

Виксаныч



Михаил Ведышев
Виксаныч (сборник)

Издательский дом «Сказочная дорога»

2013

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Ведышев М. В.

Виксаныч (сборник) / М. В. Ведышев — Издательский дом
«Сказочная дорога», 2013

ISBN 978-5-4329-0021-0

Эти удивительные истории, рассказанные известным театральным режиссером и педагогом Виктором Александровичем Давыдовым (Виксанычем, как звали его близкие, друзья и ученики), записал Ведышев Михаил Васильевич, режиссер, сценарист и актер. Он окончил Пензенское художественное училище (здесь судьба и свела его с В. А. Давыдовым), режиссерский факультет ВГИКа (1983 г., 1-я мастерская М. Хуциева). Режиссер фильмов «Сделка», «Странник» (В. А. Давыдов снялся в этом фильме как актер), «Кому на Руси жить...»; режиссер и автор сценария фильмов «Бурса», «Сижу на нарах как Король...». Как актер снялся в фильме «Карусельщик». Теперь благодаря Михаилу Ведышеву и мы можем прикоснуться к этому творческому богатству – рассказам Виксаныча, полным трагизма и юмора, непростых характеров и судеб. В них – живой образ удивительного человека, Виктора Александровича Давыдова.

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4329-0021-0

© Ведышев М. В., 2013
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2013

Содержание

Учитель	7
Как надо писать детективы	14
Страсти по А. Н. Островскому	26
Эх, черт возьми, сорвалось!..	34
«За красоту! А ля Париж!»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Ведышев

Виксаныч

© Ведышев М. В., 2013

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2013

* * *



Учитель

Мне нет нужды рассказывать о жизни Виктора Александровича Давыдова, Виксаныча, моего Учителя. Его рассказы сделают это значительно лучше и полнее, нежели кропотливый биограф. Ибо рассказы Виксаныча представляют не столько размышления и поступки героев, сколько размышления и поступки самого Учителя.

Для меня же так и осталось загадкой, почему он сам не записал эти истории. Как режиссер и педагог, он, несомненно, владел ремеслом писателя. Возможно, свои рассказы он считал чем-то вроде профессионального тренинга, не более. Однако я знал его друга, непризнанного поэта и драматурга Михаила Рафаловича. Не раз он сам пытался убедить Рафаловича: «Оставь ты свои стихи и пьесы! Напиши историю своей жизни, и тебя обязательно опубликуют!»

Рафалович не внял его советам, и вместе с рассказами история жизни этого удивительного человека досталась мне «в наследство».

Воистину, справедлива поговорка: «Ничто не дается так дешево и не ценится так дорого, как советы!»

Всякий раз после очередного рассказа я восклицал:

– Виксаныч, ну почему же вы не напишете все это?!

И всякий раз ответом мне была задумчивая и немного печальная улыбка.

И вот однажды я представил себе такую цепочку: есть герои и участники этих историй, есть рассказчик, который обработал рассказы, подобно тому, как искусный огранщик обрабатывает алмазы, и есть слушатель, это я, который на протяжении многих лет не просто слушал, а буквально впитывал их. И все – конец цепочки. Ни герои, ни участники своих историй не записали. Рассказчик с таинственной улыбкой – тоже. И если этого не сделаю я, то этого уже никто не сделает. И на моей могиле можно будет поместить такую эпитафию: «Здесь похоронены истории многих замечательных жизней вместе с человеком, который, не воспользовавшись этим подарком, свою жизнь прожил зря».

Ужаснувшись от такого «послесловия», бросился я к машинке, зарядил ее листами бумаги и, как мог, не обращая внимания на грамматику, записал все, что запомнил.

Первым моим читателем был сам Учитель. Он исправил ошибки, расставил запятые и ничего не сказал. Только опять задумчиво и немного печально улыбнулся.

С того дня прошло почти тридцать лет. Они пролетели для меня, как одно мгновение. Армия, учеба, съемки фильмов, фестивали, поезда и самолеты не позволяли мне ни на минуту остановиться.

И только тогда, когда огромная киноиндустрия рухнула вместе с огромной страной и бурный кинопоток превратился в тихий таинственный омут, я смог вернуться к этому сказочному богатству – рассказам Виксаныча.

От времени листы бумаги потемнели и стали напоминать тонкий пергамент. Однако буквы, выбитые старой дореволюционной машинкой, прекрасно сохранились. Пробегая их глазами, я вновь услышал хриплый, прокуренный голос Учителя. Ощутил его взгляд из-под огромных, набухших век. Взгляд мудреца и мыслителя.

Нигде в рассказах Виксаныча я не описываю его самого, потому что воспроизвожу все почти так, как слышал. Рассказы ведутся от его лица. Однако его лицо, характер и привычки сами по себе заслуживают описания.

Портрет Виксаныча представить довольно легко. Достаточно воспользоваться портретом Мейерхольда и слегка утяжелить все черты лица. Тот же нос, глаза, выдающийся вперед мощный подбородок, грива (не копна, а именно грива) седеющих волос... Единственное, но существенное отличие: взгляд. Если у Мейерхольда он резкий и порывистый, то у Виксаныча спокойный и мудрый.

Исходя из этого, представьте себе и разницу в их характерах, движениях и даже – в походке. Мейерхольд был всегда стремителен, вспыльчив, резок, порой даже груб и беспощаден (вполне возможно, по причине времени и обстоятельств). Учитель – всегда спокоен и невозмутим. Вежливый не столько от воспитания, сколько от рождения, по природе своей, он с первых дней нашего знакомства, когда мне только-только исполнилось пятнадцать лет, обращался ко мне исключительно на «вы». И на протяжении семнадцати лет ни разу не позволил себе «тыкнуть». Ни разу!

Когда я однажды поинтересовался, почему он, зная меня столь долго, обращается ко мне на «вы», то услышал в ответ:

– Я говорю «ты» только тому, кто может ответить мне тем же. Вы, Миша, можете сказать мне «ты»?

– Да Бог с вами!

– Значит, и я не могу.

Удивительной была и его походка. Невысокого роста, худой, он наклонял вперед весь корпус, но двигался не спеша, размеренно. Высоко поднимая носки огромных ботинок, он четко, словно печатая, ставил ногу на землю. Его руки при этом двигались не как у всех вдоль тела, вперед-назад, а за спиной, вправо-влево, отчего создавалось впечатление, что он идет вразвалочку, словно бывалый моряк.

В общении он никогда не повышал голоса. Никогда не позволял себе оскорблений. В конфликтные моменты, как аргумент, приводил какой-нибудь рассказ. По любому поводу, словно у гашековского Швейка, у Виксаныча имелся «аналогичный случай, произошедший в Будеевицах...». И всегда эти рассказы достигали цели – потрясенный противник признавал свои ошибки.

Только по прошествии десяти лет нашего знакомства я случайно узнал, что Учитель воевал. Да еще сразу на двух войнах, Финской и Отечественной. Именно «Отечественной», потому что последний раз был ранен под Кенигсбергом, то есть границу не переходил. Интересно, что у Виксаныча было много орденов и медалей – все боевые, и ни одной юбилейной. Но он никогда не надевал их даже на праздники. Трудно сказать, можно ли отнести это к чрезмерной скромности. По крайней мере во всем остальном он этим не страдал.

Не то чтобы он любил хвастаться, нет. Просто благодаря таланту рассказчика и обширным знаниям он обязательно становился центром любой компании, приковывал всеобщее внимание и держал его часами.

Я не был знаком с людьми, официально признанными энциклопедистами. Но за семнадцать лет наших непрерывных встреч я ни разу не слышал от него слова «не знаю», о какой бы области жизни ни заходила речь.¹ Кроме английского, французского и немецкого, он знал древнегреческий и латынь. Огромные тома энциклопедий на разных языках заполняли стеллажи его домашней библиотеки.

Но особенно страстно изучал он Шекспира. Он его боготворил, читал в факсимильных изданиях и имел свой взгляд на все перипетии жизни и творчества великого драматурга.

Но одним изучением Шекспира Виксаныч не ограничивался. Едва услышав, что какой-то театр в Союзе собирается ставить пьесу Шекспира, Учитель бросал все и мчался в незнакомый город, в незнакомый театр и добивался того, что постановку поручали ему. Однако, надо

¹ Об энциклопедических знаниях Виктора Александровича Давыдова свидетельствуют и его многочисленные ученики. Например, в одном из интервью Яков Рафальсон сказал: «...Я до сих пор помню фразу, произнесенную на собеседовании при поступлении в театральное училище в Ярославле. Сидит нас шесть человек и педагог, Виктор Александрович Давыдов, энциклопедических знаний человек, человек совести. Он вдруг откидывается в кресле и говорит: “В наше театральное училище принимают только по знакомству”. Мы все открыли рты! А он добавляет: “Да, кто знаком с Пушкиным, с Лермонтовым, с Тургеневым...”» (*Татьяна Фаст, Владимир Вигман. «Мы живем во времена притворяшек», «Открытый город», 23.10.2012. <http://www.freecity.lv/persona/11/>*).

сказать, часто такие поездки заканчивались разочарованием. Чиновники от культуры не разделяли любви Виксаныча к Шекспиру. Бывали случаи, когда спектакли запрещались накануне премьеры. Иногда «интеллектуалы» вычеркивали из планов пьесы английского драматурга, не доводя до репетиций...

Учитель на некоторое время оседал в этом театре, работал с пьесами местных авторов, впадал в тоску и втайне ото всех попивал. Выпить он мог много. Один актер как-то ска зал мне: «Перепить Виксаныча нельзя, как нельзя увидеть его пьяным». Это, скорее всего, фронтовая закалка. Когда этот период продолжался особенно долго и нудно, Виксаныч начинал пробивать идею об устройстве местного театрального училища. Это было вторым его увлечением. Преподавателем он был от Бога, и общение со студентами скрашивало его разлуку с любимым драматургом. Но едва только какой-нибудь театр вносил в план пьесу Шекспира... Быстрые сборы, недолгие проводы – и в путь.

Таким вот образом в 1970 году прошлого века прибыл Виксаныч в Пензу. В плане местного театра стоял «Макбет», которого местный чиновник спустя пару месяцев благополучно запретил. Идеей создания театрального вуза чиновник тоже не проникся. Однако в этом году в местном художественном училище открывали отделение театральных художников.

Одно из старейших в стране, Пензенское художественное училище славилось своими традициями, среди которых были и некоторые вольности: малолеток вроде меня принимали в группы не более трех-четырёх человек, остальные десять-пятнадцать студентов были людьми взрослыми. Эти традиции и привлекали в Пензу молодых художников со всего Союза.

Виксаныч с радостью принял приглашение преподавать у нас на театральном отделении. Правда, признаюсь, Виксанычем называли его не мы.

Целый год мы звали Учителя Виктором Александровичем, пока в Москве, в одной компании, симпатичная студентка-актриса, слушая наши восторженные рассказы о нем, не поинтересовалась:

– Давыдов, Давыдов... Вы случайно не о Виксаныче говорите?

Еще мы узнали от нее, что у Виксаныча есть жена Санстинна – Александра Константиновна Шкаропат. И что она работает главным режиссером Большого кукольного театра в Ярославле. Много нового мы узнали в тот вечер и о самом Учителе. Вслед за нами уже студентка-актриса с не меньшим восторгом принялась рассказывать о нем. Среди его учеников, кроме актеров и художников, есть и режиссеры. Сегодня в кабинетах некоторых главных режиссеров театров висят фотопортреты Учителя. На фотографиях он в форме русского морского офицера 19 века. Ему очень идет эта форма. Он снимался в моем фильме «Странник» в роли старшего офицера Завадовского – сподвижника Беллинсгаузена и Лазарева в открытии Антарктиды. Я специально дописал эту роль для него, и теперь Виксаныч всегда со мной.



Художественный фильм «Странник». Исполнитель роли Завадовского – В. А. Давыдов.
Кадр из фильма. 1987 г.

Он не успел сняться в двух эпизодах и озвучить свою роль. Эти кадры мы должны были снимать среди настоящих айсбергов в море Баффина, близ Гренландии.

Впервые за многие годы Виксанычу предстояло выехать за границу. Но для оформления выезда в то время требовалась медицинская справка. А для ее получения необходимо было обойти почти всех врачей.

В Ярославле, куда к тому времени Виксаныч вновь вернулся, он знал практически всех медиков.

Многие были его друзьями и приятелями по совместным застольям и похождениям. Их профессиональных качеств он не знал совершенно, потому что чувствовал себя абсолютно здоровым. Собрав свежие анекдоты, он отправился к ним за справкой, надеясь обернуться за один день. Онколог вынес ему смертный приговор...

Повторюсь: мне нет нужды рассказывать о жизни Виксаныча, его рассказы сделают это лучше и полнее. Я же расскажу здесь, что случилось с ним после смерти. Да, да, такой уж это человек! Его рассказы и рассказы о нем продолжают и сегодня. Тогда же, в день его похорон, нам, его ученикам, собравшимся в Ярославле со всей страны, пришлось заняться его документами. И мы вдруг обнаружили, что в разных документах стоят разные даты рождения. От 1909-го до 1929-го. Как нам объяснила Санстинна, он периодически, начиная с послевоенных времен, «терял» документы и, восстанавливая их, убавлял себе возраст, чтобы «не выгнали на пенсию».



Художественный фильм «Странник». Шлюп «Восток». 1987 г.

– Доубавлял до того, – сетовала супруга, – что по паспорту стал моложе меня на четыре года. Доказывал мне, что так оно и есть на самом деле, но иногда забывался. Если начинали спорить о каком-нибудь актере или спектакле, он приводил такой довод: «Ты мне будешь говорить! Я сам был на этом спектакле! Я видел все собственными глазами!» И мне было крыть нечем, потому что я тогда еще не родилась...



На съемках фильма «Странник». На переднем плане (слева направо): режиссер М. В. Ведышев, В. Гемс в роли судового врача. 1987 г.

После похорон все собрались в самом большом кафе Ярославля. Помянуть, как полагаются... В начале с благодарностью выступили родственники. Все встали и молча выпили за «царствие небесное» и «за то, чтоб земля ему была пухом». От имени его многочисленных учеников предложили выступить мне, поскольку я был вместе с ним все последние годы.

Я встал и сообщил, что по рассказам Виксаныча заочно знаком со многими из присутствующих, что хочу опубликовать его рассказы, и пусть, кто желает, сразу скажет, если у него есть возражения. Возражений не было. А один представительный мужчина вдруг произнес:

– Не знаю, рассказывал он вам или нет, но был такой случай...

Случай оказался очень смешной, и многие в конце, не выдержав, рассмеялись. И тут началось! Четыре часа под непрерывный хохот звучали рассказы.

Удивленные повара и официанты выбегали в зал и спрашивали друг друга, действительно ли здесь проходят поминки? Еще больше удивлялись они, видя смеющуюся «безутешную вдову», которую хорошо знали и с которой накануне вечером оговаривали кутью и блины... Однако, прислушавшись к рассказам, начинали хохотать и они.

Только провожая нас далеко за полночь, женщины из кафе тихо вздохнули:

– Какой хороший был человек...

Я вздрогнул от этих слов. Все время, что продолжались поминки, я ощущал Учителя здесь, за столом, среди огромного числа близких и друзей.

Я попытался вернуть себя к осознанию того, что его только что похоронили. Что его больше нет. Но тщетно. Я не смог. И сейчас не могу. До сих пор слышу его голос, его рассказы...

Дотошному историку следует читать их, не хватаясь за справочники и первоисточники. Некоторые из его рассказов я слышал несколько раз. И каждый раз что-то новое появлялось в них, иногда – подробности, иногда – персонажи.

Одна история, например, касалась ГУЛАГа. В те времена мы только краем уха слышали о книге Солженицына, и я тогда был уверен, что ГУЛАГ – это название конкретного лагеря.

Естественно, что и Виксаныч нигде не мог что-либо прочесть об этой истории. Стало быть, ему действительно рассказал ее один из участников.

И вот спустя тридцать лет я читаю уже знакомые события в изложении самого героя. Боже мой! Насколько же все оказалось беднее и обыденнее! В общем-то довольно банальная история. Герои Виксаныча не могли так думать и поступать! И тут я понял: он взял эту историю, поставил себя на место героя – и крутанул!.. Да так талантливо, что в ней появились и образ Друга народов, и ощущение времени, и яркие персонажи. Она стала правдивее реальных событий.

После этого у меня пропало всякое желание расспрашивать живых участников и героев его рассказов. А их довольно много. Среди них не только его друзья и коллеги, но и его ученики. Сегодня это солидные люди, с положением. А тогда – студенты, попадавшие в удивительные ситуации вместе с Учителем.

Михаил Ведьшев

Как надо писать детективы

В этот вечер я не ожидал от Учителя никаких рассказов.

Несколько часов он провел в художественном училище, затем в театре. Я видел, что он устал, когда забежал к нему, чтобы показать теоретическую часть своей дипломной работы. Он сам просил меня об этом.

Виксаныч сидел за огромным письменным столом, перелистывая страницы моей работы, а я тихонько пристроился на его тахте и следил за тем, как его карандаш делает многочисленные пометки. Тишину нарушало лишь радио, монотонно сообщая новости.

Надо сказать, что приемник был единственным средством общения Учителя с окружающим миром. Телевизор он не держал принципиально. Однажды, когда американцы высадились на Луну, он прибежал к соседям, чтобы посмотреть телерепортаж. Но в это время по другому каналу шел хоккей. Наши играли с чехами. Сначала соседи из уважения к Виксанычу переключили свой ящик «на Луну», но уже через минуту принялись ерзать, кашлять и сморкаться.

– Миша! – восклицал впоследствии Учитель. – Сбылись фантастические предсказания великих людей: человек ступил на Луну! А они (он имел в виду соседей) были абсолютно равнодушны. Их куда больше интересовало, отыграются наши в этом периоде или нет...

«Лунную сонату» соседи выдержали не больше трех минут. Затем бесцеремонно переключили на хоккей, и Виксаныч ушел от них совершенно убежденный в том, что этот «ящик» делает людей дебилами. И чем больше телевидение будет совершенствоваться, тем страшнее для человечества будут последствия. С тех пор голубому экрану было заказано «переступить» порог его квартиры.

Из газет и журналов Виксаныч выписывал только «Огонек» (исключительно ради кроссвордов), «Культуру» и «Театр» (эти ему нужны были для работы, хотя я уверен, что в них он в основном искал сведения о готовящейся где-нибудь постановке Шекспира).

Круглосуточно бормотавший на стене «ящик» выдержал несколько дней испытательного срока, и после того, как выяснилось, что его почти не слышно и размышлениям он не мешает, ему было позволено остаться в комнате.

Все это я вспомнил, тихо сидя на тахте и наблюдая, как Учитель принялся за последнюю мою страницу.

Внезапно он вскинул голову и уставился на приемник.

– Что они сказали? – спросил он меня.

Я механически повторил последнее сообщение:

– «Мосфильм» приступает к съемкам...

– Нет, до этого.

– В документах, принятых конференцией...

– Вот-вот, но только раньше: «На конференции писателей-детективщиков, – сказали они, – выступили...»

Он, оказывается, все слышал!

– Серафим Круглый...

– А потом? Они назвали соавторов...

– Андреев и Мишарин.

– Мишарин Леонид? – спросил меня Учитель, словно на допросе.

– Леонид.

– А Андреева как зовут?

Я растерялся.

Несомненно, для Учителя эти сведения представляли огромную ценность, и от этого меня охватил легкий мандраж: как бы чего не перепутать.

– Кажется, Петр...

– Ха-а-ахм! – Я еще не видел, чтобы Учитель так широко хмыкал.

– Ха-а-ахм! – между тем повторил он. – Они уже выступают на конференции. Вдвоем! И учат других, как надо писать детективы. Поразительно! Подумать только!..

– А что тут особенного?

– Особенного – уйма! – воскликнул Виксаныч. – Особенная судьба. Особенная жизнь этих людей. Э-э-э... я, правда, знаю только одного из них. Но знаю хорошо. Это Леонид Мишарин. А выступали они оба. Да? Боже мой! И принимали документ. Всесоюзной конференции! Ха-а-а-ахм!

– С Леней Мишариным я учился в одном классе харьковской школы. Его родители были учеными, и, когда он окончил десятый класс, вся семья переехала в Москву. – Так начался совершенно неожиданный для меня рассказ. Учитель даже преобразился. Усталость как рукой сняло. – Надо сказать, что Леня был изнеженным мальчиком. В их семье жили няня, бабушка, тетя. Большой достаток обеспечивали отец-академик и мать-профессор. Окруженный женщинами, единственный ребенок в семье жил как у Христа за пазухой. Когда они перебрались в Москву, я надолго потерял его из виду. Встретились мы много лет спустя, когда мне поручили ставить детективную пьесу Петрова и Мишарина. Я совсем не предполагал, что один из соавторов – мой школьный друг, потому что я знал, что еще с восьмого класса он готовился к поступлению на журфак МГУ. А тут вдруг – детективщик. Да еще две фамилии... Словом, на знакомую фамилию я внимания не обратил. Но однажды главный режиссер предупредил меня, что на репетицию придет один из соавторов. И вот он входит в зал. Я смотрю – Леня! Он идет через весь зал, раскинув руки, и рокочет громовым басом: «Я как только узнал, что спектакль ставит Виктор Давыдов, так сразу понял, что это ты!»

– Миша! Если бы он шел с серьезным выражением на лице, я бы его ни за что не узнал. Э-э-э... Ей-богу! Только улыбка и осталась Ленякиной. А так предо мной стоял крепко сбитый, поджарый человек с ранней сединой на висках. А ведь Леняка всегда был пухлым, рыхлым, вялым. А этот громовой бас! У Леняки даже в десятом классе оставался писклявый девчачий голос. Да и сама манера держаться. Леняка всегда был неуверенным неврастеником – типичный маменькин сынок. А тут вышагивал абсолютно уверенный в себе человек. Ну просто эталонный портрет «огромной шишки». Такие портреты носят на первомайских демонстрациях. Мне даже неловко было обнимать его: он был в дорогом заграничном костюме. А от его одеколона закружилась голова. На его руке искрились умопомрачительные часы, а указательные пальцы рук украшали огромные перстни с печатками.

Я быстро закончил репетицию, а он сделал несколько замечаний и пожеланий актерам. Миша! Как же он легко «ботал по фене»! Сколько он знал! Как здорово показывал некоторые приемы следователей и подозреваемых! После репетиции он потащил меня в самый шикарный ресторан. Когда нам накрыли стол (а сделано это было моментально и едва ли не всем коллективом ресторана), я приступил было к расспросам. Но он остановил меня.

– Стоп! – сказал он. – Сначала напьемся как следует.

Я живо поддержал это предложение. Э-э-э... поскольку решил, что, захмелев, Леняка расскажет куда больше, чем трезвый. Сам-то я, вы знаете, совсем не хмелею. Я быстро наполнил рюмки, э-э-э... стараясь не давать ему закусывать. Только ничего у меня не вышло. Этот «эталон мужской красоты» великолепно «держал» водку да еще иногда дополнял ее коньяком. Тогда мне пришлось притвориться пьяненьким. Я отставил приборы и спросил его:

– Леняка... как же ты... журналист, и вдруг... этот, как его...

– Милый, – ответил он мне, улыбаясь, – журналистом я был всего один год.

– Да, Миша. Он окончил МГУ и проработал в центральной газете только один год. Однажды вышла его статья, в которой он допустил неосторожную фразу. Ее можно было понять и так, и этак. Но на дворе был пятидесятый год, поэтому ее поняли «этак». Ему дали

десять лет. По тем временам легко отделался! Папе с мамой пришлось приложить такие усилия, что они в буквальном смысле слова надорвались. А вскоре и сам Ленька уже пребывал в отряде «доходяг». Тюрма, следствие, пересылка, этапы... Он не выдержал всего этого и в лагерь прибыл едва живой. Он же за всю жизнь ничего тяжелее карандаша не поднимал, и потому после трех дней на лесоповале у него совершенно не осталось сил. А в лагере торжествовал коммунистический закон: «Кто не работает, тот не ест!». Так что, провалявшись несколько дней без еды, Ленька приступил к разговору с Богом.

В огромном пустом бараке целый день не было никого, если не считать пяти-шести таких же «доходяг» да одного-двух «отходяг», которые дожидались похоронной команды. Так что его общению с Богом никто не мешал, пока однажды неясная тень не отгородила его от Всевышнего.

С трудом сфокусировав взгляд, Мишарин рассмотрел «нарядилу». Это был лагерный «Бог и царь». Он ведал жизнью и смертью людей. От него зависели и план, и дисциплина, и выполнение лагерных законов. Поэтому лагерным начальством «нарядила» выбирался из самых матерых и авторитетных уголовников. За Ленькиным «нарядилой» числилось десяток убийств и множество разбоев. Но среди блатных осторожно поговаривали, что «хвост» его был «гораздо пушистей»².

Был он похож на среднего размера медведя. С такими же желтыми огромными клыками, наводившими ужас на заключенных, когда «нарядиле» случалось улыбаться. Именно «случалось». Его улыбку видели только те, кто был обречен на смерть. Она провожала их в последний путь. Благодаря этой улыбке люди цепенели и неизбежное принимали легко и безболезненно.

Был в лагере и второй по значению начальник. Он ведал размером пайка, но подчинялся указаниям «нарядилы». Из-за этого между ними велась скрытая борьба за первенство. Этот, второй, был не менее жесток и, может быть, более коварен и хитер. Вполне возможно, что среди воров он сумел бы завоевать больший авторитет, если бы улыбка «нарядилы» не перепугала его сторонников до смерти. Манеры пахана были проще, но действеннее. Все, кто становился у него на пути, получали желтую улыбку как пропуск в иной мир.

Вот такого вот высочайшего внимания однажды был удостоен Ленька. Он даже попытался подняться, но не смог. Немного поборовшись для приличия, Мишарин плюхнулся на нары. А, все равно уж!.. Недолго осталось...

«Нарядила» внимательно оглядел его с ног до головы, затем спросил:

– Ты правда писатель?

Ленька напрягся мысленно, чтобы объяснить начальству разницу между журналистом и писателем, но, к своему удивлению, разницы не обнаружил. Слова путались в голове, к тому же приходилось переводить их на «общедоступный язык». Это оказалось выше его сил, и он просто кивнул головой.

– А ты детектив написать сумеешь? – спросил лагерный Бог.

Ленька шевельнул плечами, мотнул головой и закрыл глаза. Такого ответа он и сам бы не смог понять. Он был весь поглощен единственной мыслью: «Скорее бы уж...»

– Подь сюда! – скомандовал «нарядила».

Ленька открыл глаза, но сумел различить только то, что позади первой неясной тени появилась вторая.

– Этому – тройную пайку, – сказал про кого-то «Бог». – Он мне нужен. Как «подлатается»³, приведешь ко мне.

² «Пушистый хвост» – преступления, не доказанные правоохранительными органами. – *Здесь и далее примечания автора.*

³ Вылечиться, хорошо одеться.

Все это Ленька слышал как сквозь толщу воды и был несказанно удивлен, когда его растолкали, расхлопали по щекам и напоили чаем. Через два часа процедура повторилась. Только на этот раз к чаю добавили булку, от вкуса которой Мишарин уже давно отвык.

Еще через два часа Мишарин уже сам встретил дымящийся бульон и кусок хлеба.

Э-э-э... Так продолжалось целую неделю. За это время бригадиры, распределявшие по утрам людей на работы, напрочь забыли фамилию «Мишарин». Тем не менее Ленька регулярно получал пайки и окреп настолько, что стал вставать и ходить по бараку. Во двор его не выпускали, чтобы «не светился» на глазах начальства. Когда же он «подлатался» до того, что мог держать в руках веник и совок, стал вечным «шнырем»⁴ – уборщиком барачков. Собственно, убирались другие, а Леньке вменялось в обязанность хватать совок и веник всякий раз, когда в бараке появлялся посторонний.

Когда закончилась вторая неделя, его отвели в маленькую избушку на территории лагеря, в которой помещалась канцелярия «нарядилы».

По дороге Мишарин мучительно размышлял, как объяснить начальству разницу между журналистом и писателем. В конце концов, совершенно запутавшись в переводе и примерах, он вдруг сделал для себя открытие: слово – серебро, а молчание – золото! Не успев удивиться, почему это не пришло ему в голову раньше, Ленька шагнул в канцелярию.

– Значится так, – вместо приветствия сказал ему «нарядила». – Перед тобой стоит задача: написать детектив. Условие: этот детектив должен понравиться на воле. Особенно в плане идейном и политическом. Ты все понял?

– Все понял, – ответил Ленька так, как учили в тюрьме и на пересылке.

– Что тебе нужно? – спросил «нарядила». – Я говорю, что тебе нужно, кроме жратвы!

Ленька на какое-то время задумался. Дело в том, что он настолько окреп физически, что его стало тяготить общество «лосей сохатых» – воров и блатарей, которые не работали на общих работах, а слонялись по баракам и занимали незначительные должности в лагерьной иерархии. Внутренний голос подсказывал Леньке, что сейчас он может воспользоваться моментом и «обнаглеть».

– Мне нужно отдельное помещение в течение всех суток, чтобы никто не входил и не мешал, – сказал он, слегка робея. – Ну и, конечно, стол, стул, бумага и перо, в смысле ручка...

«Нарядила» почему-то выдержал долгую паузу, потирая ладони с тем звуком, который издают два трущихся напильника. Ленька вспотел от страха и решил уже «сдать назад».

Но тут начальник наконец заговорил:

– На подловке⁵ все приготовлено. Внизу, у люка, будет дежурить Маруська⁶ или его сменщик. Если что понадобится, свистнешь. Если захочешь выйти, тоже свищи, они лестницу подадут. В остальном я тебя не тороплю, но и ты не отставай. Главное – помни об условии... Все понял?

– Все понял.

И началась у Мишарина сказочная жизнь. Для начала он на первом листе бумаги начертил кружочки и закорючки, цифры, имена и символы. На тот случай, если начальство придет с проверкой. Тогда эта абракадабра станет планом будущего детективного романа.

Но никто его не проверял, и целую неделю Ленька наслаждался одиночеством, изредка окликавая Маруську одной и той же фразой:

– А подать-ка сюда!

⁴ Блатной язык, как и всякие «живые» языки, имеет тенденцию видоизменяться. Здесь и далее приведены значения слов, относящиеся к тому времени.

⁵ Подловка – чердачное помещение барака.

⁶ Прозвище ээка.

Ему ставили лестницу, приносили еду. Когда он выходил в сортир, до блеска убирали подловку. Видимо, Маруська с подручными получил строгие указания. Выполняя Ленькины капризы, они не задавали ни единого вопроса и не позволяли никакого «хамства».

Однако безделье скоро наскучило Мишарину, и он решил «поймать совесть» и принялся за роман, в том смысле, что какое-то время чесал в затылке, что-то начинал писать, рвал написанное и долго простаивал у чердачного окна, тупо озирая лагерный двор.

К концу дня «борзописец», как он себя окрестил, пришел к выводу, что не сможет написать даже элементарного школьного сочинения. И тут Леньке действительно стало страшно. В лагерном обществе, если ты не в состоянии что-то сделать, об этом надо говорить сразу, а не жрать дармовую пайку целую неделю. Тут «халява» не проходит. А наказание будет жестоким. От страха у Мишарина прояснилось в голове и родилась идея.

По свистку к люку моментально была приставлена лестница, по которой, словно матрос по вантам, взлетел Маруська.

– За что ты сидишь? – спросил он зэка.

Ленька предпочитал никак его не называть. Кличкой было противно. А поинтересовавшись именем, можно было нарваться на «хамство». Слава Богу, лагерные законы опускали многие «вольные» формальности, как то: здороваться и обращаться. Инструкции Маруська, видимо, получил в достаточно суровой форме, потому что перепугался и, словно следователю на «чистосердечном», выложил Мишарину все свои похождения. Все, связанное с извращением, Ленька отмел, но пару Маруськиных преступлений взял за основу и написал первые страницы. Дальше работа пошла как по маслу.

Время от времени «борзописец» свистал по очереди Маруськиных подручных на допрос, выслушивал их признания и компоновал эпизоды и целые главы. Постепенно работа увлекла его целиком. Конечно, преступления этих «низов общества» были не ахти какие интересные, но они давали толчок Ленькиной фантазии. Э-э-э... Главное – был материал для ярких портретов и характеров.

В конце ноября наконец пожаловало начальство. «Нарядила» по-хозяйски улегся на Ленькину кровать, которую Маруська с подручными соорудил по капризу «борзописца» прямо на подловке. Кровать, которая выдерживала даже Ленькины прыжки, едва не провалилась под тяжестью начальника. Кое-как устроившись, «нарядила» закрыл глаза и коротко бросил:

– Читай.

Мишарина охватило волнение. Это был первый слушатель его первого в жизни романа.

Он читал с выражением и в «лицах», стараясь интонациями подчеркнуть характеры героев.

Когда Ленька умолк, наступила долгая пауза. Ему показалось, что начальник заснул, и стало до слез обидно.

– Мало политики!.. – «нарядила» сказал это так резко, что Ленька вздрогнул и испугался. – И идейности.

Начальник замолчал, продолжая неподвижно лежать с закрытыми глазами, словно размышляя, чего еще не хватает в романе.

Мишарину стало совсем не по себе.

Правду сказать, он так увлекся, что совсем позабыл о главном условии. А портреты «петухов»⁷ не позволяли широко раскрыть идейно-нравственные характеристики героев.

– Это только начало... – неуверенно произнес «борзописец». – Дальше появится следователь... Тогда уж...

⁷ «Петух» – пассивный гомосексуалист в лагере. Обычно таким зэкам присваиваются женские имена.

– Во-во, – прорычал «нарядила», осторожно слезая с постели. – Давай, чтоб следователь был кристально чистым и идейно выдержанным... А так ничего. Мне понравилось. Интересно и жизненно...

Елей разлился по сердцу писателя...

С этого дня Ленька «оборзел». Он слонялся по лагерю, хватал «лосей сохатых» и допрашивал их с пристрастием. Они выкладывали ему все как на духу, включая то, о чем умолчали следователям.

По лагерю пошла молва, что Мишарин является правой рукой «нарядилы» и сколачивает банду, собирая подробное досье на каждого ее члена. Леньке стали приносить взятки, как те, кто хотел вступить в банду, так и те, кто не хотел. Взятками большей частью были продукты, поэтому к Новому году Ленька не только отъелся сам, но и собрал несколько подарков тем, кто, как и он, не смог бы выжить без поддержки. Среди этих «доходяг» большинство было политических, и на их примерах писателю не составило труда создать несколько «кристальных» образов «настоящих большевиков». А один, старый чекист, спроецировался в романе почти без изменений.

Леньке даже стало жутко интересно узнать реакцию тех, кто на воле будет читать этот роман. Он предполагал в финале наградить старого чекиста орденом, зная, что в жизни его «наградили» лагерем.

Насколько естественно на воле воспримут этот авторский обман? Ленька записал фамилию прокурора, который вел дело старого чекиста, и решил непременно послать ему экземпляр книги.

Утром после новогодней ночи к Мишарину неожиданно явился второй начальник. Тот, что ведал пайками. Маруська, следивший, чтобы никто посторонний не смел подниматься на подловку, не рискнул отказать зэку из «первой пятерки».

Его просьбу (!) почитать роман Ленька выполнил с той радостью, которая охватывает всякого художника, когда его произведение начинает привлекать внимание. Мишарин опять читал с выражением и «в лицах». И опять после прочтения воцарилась долгая мучительная пауза. Начальник был хмур и угрюм.

– Вам не понравилось? – осторожно спросил автор.

– Да нет. Штучка хорошая... забористая. А ты знаешь, что ты пишешь? – От такого вопроса Ленька растерялся.

– Детектив... – неуверенно проговорил он.

– Смертный приговор ты себе пишешь, – тихо произнес начальник, но от этих слов мурашки побежали по всему телу.

– Зачем же приговор? Почему приговор?

Оказалось, что на новогодней пьянке «первой пятерки» между «нарядилой» и начальником пайка вспыхнула старая ссора. «Нарядила», хватив лишку и потеряв бдительность, проболтался о своей задумке.

А заключалась она в следующем.

К 75-летию Сталина, когда вся страна напрягалась мыслью о подарке вождю, какой-то «житель Шепетовки» посвятил Отцу и Учителю «Оду». Лаврентий Павлович, желая потрафить Сталину, показал ему это творение. Дескать, в моем ведомстве даже наказанные твоим именем продолжают любить тебя больше жизни. «Ода» очень понравилась Хозяину, особенно тем, что прочли ее в присутствии иностранных корреспондентов, и в результате через неделю зэк гулял на воле.

«Нарядила» хоть и был почти неграмотным, но сообразил, что вторая «ода» не пройдет. Да и рассчитывал он не столько на благосклонность вождя, сколько на самолюбие Первого Чекиста. А для такой цели, решил он, подойдет детективный роман с идейно выдержанным

и кристально честным героем. «Нарядила» был настолько уверен в успехе, что в чаду пьянки крикнул своему оппоненту:

– Я-то скоро выйду отсюда, а ты тут заживо сгниешь!

Начальник пайка, взвесив все «за» и «против», пришел к выводу, что такое может случиться на самом деле. И единственной возможностью «сгнить вместе» остается помешать появлению на свет этого романа. А для этого он решил рассказать автору всю правду.

– Он пошлет этот роман от своего имени, – тихим голосом говорил начальник. – Ты, как автор и свидетель, ему будешь не нужен. Поэтому он «завалит» тебя в тот же день, как ты поставишь точку.

Эти слова были произнесены таким обыденным и спокойным тоном, словно речь шла о премии за сданные сверхплановые кубометры. А от тихого ленивого голоса повеяло на Ленку вечным холодом могилы. Волосы у «борзописца» поднялись дыбом, заиндевели и тихо позванивали в такт шагам удалявшегося начальника.

Весь день Мишарин пролежал на своей кровати, не шевелясь и не притрагиваясь к еде. Однако вечером зашел встревоженный «нарядила».

Скорее всего, Маруська донес ему о посещении начальства и странном поведении писателя.

Пришлось взять себя в руки и снова читать роман. На этот раз похвала «нарядилы» больно ударила Мишарина в самое сердце. На прощание начальник сказал:

– Я вижу, дело к концу идет. Если за неделю управишься, с меня пол-литра...

После ухода «нарядилы» Ленка заметался по подложке как загнанный волк. То ему хотелось свистнуть Маруську и надрать тому уши, то приходила мысль бежать к прикормленным политическим и рассказать им все. Но лагерный опыт подсказывал, что все это бесполезно. Что никто не может защитить его, даже сам Лаврентий Павлович... Тогда Ленка твердо решил: точку в этом романе он не поставит.

И он начал «тянуть резину». Когда «нарядила» через неделю пришел за романом, он с удивлением узнал, что преступнику, к которому, при последнем чтении, уже стучались в дверь, удалось уйти, да еще таким оригинальным способом, что настороженный начальник ничего не заподозрил и ушел довольный. Однако с этого дня он зачастил в Ленкин «кабинет». Но Мишарин бился за свободу преступника как за собственную жизнь. Он нашел ему сообщника, который лил воду на мельницу империализма и целый месяц водил за нос старого чекиста, а с ним – и «нарядилу». Поначалу тому нравилась изворотливость преступника, а особенно – империалистическая мельница. Но со временем воды становилось слишком много, и создавалось впечатление, что она вот-вот захлестнет старого чекиста. «Кристально честный» превращался в «непроходимо тупого». Он уже перестал просчитывать наперед ходы своего противника и грозил загубить на корню саму идею.

– Давай, кончай его! – приказал «нарядила», имея в виду преступника.

Приказал таким тоном, каким привык это делать. Несколько дней Мишарин протянул на поимке и покаянии империалистического сообщника. Но только отчетливее понял старую воровскую истину: сколько веревочке ни виться, а конец все равно будет.

Он попробовал было прибегнуть к такому понятию, как «творческий кризис».

– Конец – самое главное в детективном романе! – кричал он. – А я не вижу эффектного конца. Не вижу!

– Завтра увидишь, – непонятно в каком смысле сказал «нарядила».

Всю ночь Мишарин не спал. Он вспоминал свое безмятежное детство, свою молодость в МГУ. Друзей-журналистов, предавших его и проклявших во время суда. Вспоминал своих родителей, которые тяжело заболели после его ареста. Няню, бабушку и тетку, которые словно сговорились – померли все в один год. И все от сердечного приступа. Вот что такое «социальный заказ!» – вспомнились ему студенческие лекции. Это когда жертва заказывает палачу

свою надгробную надпись. Эх вы, великомудрые эмгэушные профессора! Ведь вы если и не знали сами, то, конечно, догадывались, какая жизнь ожидает ваших студентов. Что ж вы не предупредили, в каком месте соломку-то подстелить!

Потом Ленька вдруг вспомнил о Боге и подумал: «Какая же я, в сущности, сволочь! Когда подыхал от голода, звал Его, и Он пришел ко мне. Но стоило только набить брюхо, как и Бог стал не нужен...» И понял Мишарин, что жизнь его была прекрасна и чего-то стоила только в детстве, а еще, может, в студенческие годы. А взрослая зрелая жизнь состояла из одних просчетов, ошибок и разочарований. А стало быть, вовсе не стоит она того, чтобы за нее цепляться...

Придуманый еще месяц назад красивый и эффектный финал романа был написан за пару часов, и до самого вечера в ожидании «нарядилы» Мишарин просидел в своем «кабинете» совершенно опустошенный, без мыслей, воспоминаний и желаний.

Несколько раз удивленный Маруська поднимался и возвращался, не получив в этот день ни одного приказа.

За полночь, особо громко и зловеще, как показалось Леньке, стукнула лестница о люк чердака, и заскрипели под ногами «нарядилы» ее перекладины.

Он не улегся, как обычно, на кровать, а, стоя у люка, коротко спросил:

- Закончил?
- Закончил.
- Давай сюда.

Ленька отдал роман и впервые ощутил острую тоску. Как ни странно, тосковал он не по короткой своей жизни, а по этому детективу, который чем-то начал нравиться ему. Начальник завернул пухлую пачку исписанной бумаги в принесенный платок и молча спустился вниз. Лестницу убрали, и Ленька остался на подловке ждать исполнения приговора.

Он прилег на кровать и попытался разобраться, почему ему так нехорошо от того, что пришлось напустить в роман лишней воды? От того, что некоторые главы писались не продуманными как следует? От того, что не решился описать старого чекиста таким, каким знал? А если бы убрать пособника империализма, то роман получился бы лучше во сто крат. Только кто теперь будет убирать? Не «нарядила» же. Куда он, интересно, направился? Наверное, к почтарю. Отправляет роман Сталину. Интересно, он его в ящик упакует или пошлет бандеролью? Не разъясвив этого вопроса, Мишарин провалился в сон.

Он спал глубоким сном, без сновидений, и проснулся от того, что кто-то тряс его за грудки.

Перед ним стоял «нарядила».

– Вставай! – коротко бросил он и добавил: – Двигай к столу.

Ленька с подозрением покосился на стол. Возле его рукописи стояла бутылка с какой-то жидкостью. Окно чердака было открыто, и в него физически ощутимой волной вливалась такая вселенская тишина, что Леньке подумалось: а вдруг он вскрикнет, когда его будут убивать? Ведь от самого его тихого вскрика наверняка содрогнется Земля.

– Хочу размяться... – сказал «нарядила», усаживаясь за стол и разливая жидкость по кружкам. Говорил он медленно, с большими паузами, и Ленька успел вспомнить, что «размяться» означает – «открыть тайну, секрет». – Я ведь хотел тебя «заземлить» (тайно убить, это Мишарин вспомнил гораздо быстрее).

Опять долгая пауза, во время которой Ленька только пожал плечами, что должно было означать: «Воля ваша...»

«Нарядила» пододвинул ему кружку, резко пахнущую спиртом, и кастрюльку с водой.

Сам он махнул спирт, не запивая и даже не поморщившись.

– Но сначала решил я сходить в соседний лагерь. Мне-то, неучу, может, все в этом детективе и нравится, но должно понравиться там, этим... А в соседнем лагере сидит один очень умный человек. Профессор по книжкам...

– Филолог, – пробормотал Ленька, у которого от непривычки к спирту все поплыло перед глазами.

– Ты его знаешь? – с подозрением спросил «нарядила».

– Нет, – улыбнулся Ленька. Ему стало легко и весело. Смерть оказалась не такой страшной, как он себе представлял. – Просто у всех профессоров по книжкам, – пояснил он, – такая кликуха – «филолог».

– Вот-вот, – поддакнул начальник. – Я этого «филолога» испытал на твоём романе.

– И что он сказал?! – воскликнул вдрызг уже пьяный Ленька.

В последние минуты жизни для него вдруг самым важным на свете оказалась оценка его творчества неизвестным профессором.

– Ему понравилось, – не стал томить «нарядила», и Мишарин от радости хватанул чистого спирта.

– Только я ведь хочу этот детектив Сталину послать...

Почему-то «нарядила» не назвал вождя «Гуталином», как это было принято на фене.

– Да хоть самому Берии! – Ленька уже совершенно ничего не соображал. Ему нравился этот серый зимний рассвет за окном, эта вязкая тишина вокруг. Он совершенно не желал восхода солнца, лагерного шума, крика, брани. Ему хотелось допить обязательно весь спирт, поговорить с этим хорошим человеком и скорее умереть, обязательно до восхода солнца...

– Ну да, ну да, – пробормотал «нарядила», отодвигая от Мишарина спирт. – «Крылатый»⁸ тебе все рассказал. – Нарядила имел в виду своего конкурента. – Да не все он «распикал»⁹. Не всюду поспел... Но уже сделанное ему зачтется... Ладно. Так вот. Этот фиг... филог... словом, этот умный человек, когда я ему полностью разменялся, сказал, что обязательно должно быть посвящение. А мы-то с тобой не додумались...

– Сдела... сдела... ем... – легко пообещал Мишарин и достал бумагу и ручку.

Но начальник пропустил его энтузиазм мимо ушей.

– Стал профессор мне диктовать, – продолжил он, вырывая у пьяного «борзописца» ручку и бумагу. – А у меня образования – только школьный коридор. Он это враз заметил и говорит:

– Так это не вы писали?! Это же сразу обнаружат. Вас же будут допрашивать разные чины. Заставят писать автобиографию и кучу всяких объяснительных: когда писали роман? Почему писали? Почему решили посвятить товарищу Сталину? И т. д.

– Я спрашиваю: «Что же мне делать?»

– А где автор романа? – это он у меня.

– Ждет, – говорю.

– Понятно... Ладно, так и быть. За две пайки я напишу посвящение. А вам лучше всего взять этого... который ждет, в соавторы. У вас богатый опыт. Огромное количество сюжетов, а у него литературное образование и хороший стиль.

– Еще он нас с тобой с кем-то сравнил, – добавил «нарядила». – Только я этих фамилий не помню. Какие-то не наши. Ну да черт с ними. Скажи, подписываешься ко мне в соавторы?

Ленька неожиданно расстроился. Из всего сказанного он понял, что, во-первых, у него отбирают, пусть только наполовину, роман, и испытал авторскую ревность. А во-вторых, и это самое главное, такая желанная смерть (где он еще найдет такую!) откладывается на неопределенное время. Ему захотелось взорвать эту вселенскую тишину криком: «Никогда-а-а! Ни за что-о-о-о!», но привыкший отвечать именно тем словом, которым спрашивают, он как можно тверже сказал:

– Подписываюсь...

⁸ Человек, считающий себя вором в законе.

⁹ Раскрыл замысел.

– Марьяж! – воскликнул «нарядила» и блеснул приятнейшей клыкастой улыбкой.

Дальнейшие события в лагере разворачивались таким образом. На следующий день на сходке «первой пятерки», как на заседании в Минюсте, было решено, что все манипуляции «нарядилы» с Ленькой подпадают под определение «выпаса фраера». Дело это считалось святым, и никто не имел права в него вмешиваться. Таким образом, визит начальника пайка к Мишарину и его откровения были признаны нарушением основы основ. За это «Крылатый» был лишен всех должностей и званий, отправлен на общие работы, где вскоре стараниями «нарядилы» погиб «в героической борьбе за план».

За это время сам «нарядила» отправил роман по инстанции и с волнением ожидал ответа.

Ждать пришлось недолго. Грянула «Ворошиловская амнистия».

– Э-э-э... Это была страшная амнистия, Миша, – прервал рассказ Виксаныч. – Сотни тысяч уголовников были выпущены на свободу. Большинство из них в скором времени вернулись в родные места, но перед этим они натворили столько бед по всей стране! Представь себе, в Одессе среди бела дня в центре города был повешен начальник городской милиции. Но вернемся к Мишарину. Он просидел еще четыре года. Политических не амнистировали. Только уголовников. Однако благодаря устранению «Крылатого» и тому, что вновь возвращающихся уголовников он встречал как старожил лагеря, его авторитет оставался непоколебимым, и эти годы Ленька провел относительно спокойно. Наконец и его реабилитировали. А дальше начались события, тайну которых Мишарин не знает до сих пор.

В канцелярии лагеря, где ему выправляли документы, Леньку спросили, куда он хочет ехать. Он задумался. Незадолго до этого Мишарин узнал о смерти своих родителей. Встречаться с друзьями-журналистами, которые его когда-то предали, он не хотел. А больше в Москве у него никого не было. И он назвал Ташкент. Там жила его дальняя родственница по отцу. Там он решил начать жизнь заново.

Однако в Ташкенте Мишарина ждало еще одно разочарование. Дверь по знакомому адресу открыл незнакомый мужчина и сообщил Леньке, что его родственница умерла пять лет назад. Такси еще не успело отъехать от дома, и Ленька вернулся на вокзал.

Там он долго разглядывал расписание поездов, гадая, в какой город ему махнуть. Трижды используя приемчик с закрытыми глазами, он тыкал в расписание и трижды попадал на Москву. Тогда, решившись, он взял билет и сел в московский поезд.

На Казанский вокзал поезд прибыл с опозданием на 24 часа! Пассажиры охали и ахали, беспокоились: встретят ли их? Только Мишарин был абсолютно спокоен. Его встречать было некому.

– Ба! Ну наконец-то! Сколько можно тебя ждать! – Мощные объятия едва не задушили Леньку. Его крутили, вертели, мяли, хлопали по спине так, что он совершенно был сбит с толку.

– Вы не ошиблись? – успел спросить он, на долю секунды задержавшись на земле.

– Я никогда не ошибаюсь! – самодовольно громыхнул представительный мужчина в шикарном плаще и новомодной шляпе. – Что, брат, не узнаешь? А я тебя враз признал. Только не время сейчас болтать. Я поставил машину в неполюженном месте. Пойдем быстрее, а то мусора привяжутся, а ну их к бису!

Семена вслед за быстро шагающим фраером, Ленька суматошно перебирал в памяти знакомые лица, начиная с декана факультета МГУ и кончая прокурором. Нет, никто не был похож на этого шикарного, уверенно раздвигающего вокзальную толпу спутника. Когда они уселись в новенький «Москвич», фраер завел мотор и, давая ему прогреться, небрежным жестом бросил на заднее сиденье шляпу.

Задержался взглядом на Мишарине и вдруг улыбнулся:

– Что? Взаправду, что ли, не узнаешь?

От этой улыбки Ленька похолодел, как когда-то холодели эки-покойники.

Машина рванула с места, и Леньку швырнуло на спинку сиденья. Бедняге показалось, что весь мир встал на дыбы.

– Ты чего молчишь как пришибленный? – донеслось до него из другого мира. – Ах да! Ты ведь не знаешь, как меня зовут. А зовут меня Петром. Фамилия – Андреев. Имя настоящее...

Они уже промчались проспектом Мира.

«Скоро будет ВДНХ, а дальше – загород и лес...» – мелькнуло в голове у Мишарина.

– Ты что там, в зоне, совсем разговаривать разучился? Или нездоров? – Не сбавляя скорости, Петр Андреев внимательно оглядел Леньку с ног до головы, словно повторяя их первую встречу в бараке. – Да-а, видок у тебя еще тот... Ничего, опять отъешься, быстро подлатаешься...

– А куда мы едем? – еле слышно спросил Ленька.

– На дачу.

– У тебя есть дача?

– Нет, это у тебя есть дача. Ха-ха! На твою дачу и едем. Чудно, правда? И машина эта твоя. Я даже без доверенности ездю. Поэтому и не хочу с ментами связываться.

«Значит, везет на хазу¹⁰, – решил Ленька. – Хочет на какое-нибудь дело подписать... Нет, милоч! Ты не хочешь с ментами связываться, а мне они сейчас как Христос-спаситель. У пешего же поста выскочу из машины и заору: “Караул!”. Жаль только, что гонит он сильно. Насмерть расшибусь... А может, только переломаюсь?»

Сквозь эти размышления до Леньки с трудом доходил смысл слов Петра-Нарядилы.

– ...а потом думаю, дай ка еще раз сунусь к ним. Изловил редактора, отвел его в «Арагви», там он мне, как миленький, всю ходку расписал. Так что наш роман за четыре года пять раз переиздавался. Во, брат, как! Я, конечно, и письма трудящихся организовал. Старые связи помогли. Всю редакцию мешками с письмами завалил.

В Ленькиной памяти всплыли какие-то далекие события, какой-то роман... А слова «пять переизданий» заставили его встряхнуть головой и прислушаться к тому, что говорит попутчик.

– Только вот твою половину гонорара я не мог получить. Поэтому тебе ничего и не послал. А потом в редакции надоумили. Оказывается, твои родители, царствие им небесное, по заявлению от тебя могли приобрести недвижимость на твоё имя. И даже машину. Ну, твоё заявление я сам сварганил. Чтобы волокиты не было. Пришел к родителям, они тогда еще живы были... А когда все оформил, отписал тебе. Только ты уже откинулся¹¹. Вот и пришлось мне тебя двое суток встречать и твои ксивы¹² охранять... – С этими словами Петр-Нарядила открыл бардачок и сунул Мишарину в руки ворох документов. – А завтра сфотографируешься и получишь паспорт, я договорился... Ну а как окончательно подлатаешься, примемся за работу. У меня уже столько сюжетов в башке...

Ленька тупо разглядывал документы.

«Пять переизданий, дача, машина, документы...»

Впереди замаячил милиционер, стоящий возле своего мотоцикла.

«За работу, сюжеты в башке...»

«Да на черта он мне нужен?!»

Спаситель-милиционер все ближе.

«Сейчас прямо с документами вывалюсь на обочину... Дьявол! Какая скорость!»

Милиционер уже в десяти метрах.

«Вот! Сейчас!..»

¹⁰ Хаза – дом, притон разврата.

¹¹ Освободился.

¹² Документ, паспорт, удостоверение личности.

Они пронесли мимо. От страха Ленкины мысли приняли ясный и четкий порядок.

«А ведь не он мне, а я ему на черта нужен! Ведь то, что я тогда написал, я могу сколько угодно повторить... левой ногой... А вот для того, чтобы это «левоножье» переиздать пять раз!.. Для этого нужно чудо... Или такая вот бандитская хватка!»

Если сказать, что я был взволнован рассказом Учителя, значит, ничего не сказать.

И сам Виксаныч не мог успокоиться.

– Нет, Миша, вы только подумайте! Каковы! Андреев и Мишарин! Вдвоем! На конференции выступают! Учат, как надо писать... эти вот... детективы!.. Поразительно!..

Страсти по А. Н. Островскому

– А-а-а-а-а! – Я подпрыгнул так, что телефонный шнур взмыл под потолок, а сам телефон, совершив тройной кульбит, шлепнулся на пол. Сколько я не пытался привести его в чувство, ничего не получалось. Честно говоря, я не очень-то и пытался. Было некогда.

Бросив бездыханный аппарат, я что есть духу помчался в театр.

Пока я бегу, вкратце расскажу, что случилось.

... В трубке телефона раздался голос моего приятеля Валерки Зименкова:

– Привет! – сказал он. – Ты где?

Правда, идиотский вопрос, когда тебе звонят домой?

– А-а-а-а-а! – ответил я.

Дальше вы знаете.

Дело в том, что Валерка год назад окончил Институт культуры, и его за особые заслуги приняли в театр. И вот почти полгода назад сначала Виксаныч, а потом и наш театр уехал в Ивано-Франковск. Вернее, так полгода назад уехал Виксаныч. Он там ставил спектакль. А театр сначала ушел в отпуск, а затем уже уехал на гастроли. И все эти месяцы я не видел и не слышал Учителя.

А Валеркины дурацкие слова «Привет, ты где?» означали, что театр вернулся, что сегодня я встречаюсь с Виксанычем! Да я просто не могу передать, что они для меня означали, потому что не успею.

Я уже прибежал к театру. Вам кажется быстро? Километра три...

Мы обнялись с Валеркой у служебного входа, и он тут же поволок меня в театральный буфет. Там уже сидели знакомые актеры. Господи! До чего же родные лица! Но я крутил головой на 180 градусов в поисках Виксаныча.

– Нету его, – догадался Валерка. – Его и главного¹³ вызвали в обком¹⁴. Но Миш-а-а-а!¹⁵ Если б ты видел, какой фурор Виксаныч произвел в Ивано-Франковске! Его спектакль буквально взорвал весь город! Аншлаги – это не то слово! Понятно, когда перед театром спрашивают лишний билетик, но когда это делают по всему городу!.. Я такого... – Валерка сделал мхатовскую паузу, но от захлестнувших его чувств не сумел закончить. Нет, ему все-таки надо еще учиться, учиться и учиться.

– После премьеры, – продолжал Валерка, – нам выступать было одно удовольствие. Море цветов! Какие поздравления! Нас узнавали в городе и расхватывали по домам. И везде спрашивали о Виксаныче. Кто он? Откуда? Сколько ему лет? Женат ли он? Слушай, просто до глупостей доходило. Я такого восторга еще не видел. – Сидевшие за столом актеры, дружно подхватили последнюю фразу и так же дружно выпили за нее. – Даже накладка, которая у другого смазала бы все впечатление от спектакля, Виксанычу только добавила популярности (хотя там добавлять, казалось, уже некуда).

– Какая накладка? – ужаснулся я.

– В канун премьеры ему срочно пришлось заменять актрису. А ты знаешь, как скрупулезно он работает. Каждое движение, каждый шаг... Даже на поклонах. А тут – срочная замена. Роль-то он с ней отработал, а вот поклон – там же все нужно – не успел. И вот – конец спектакля. Весь состав выходит на сцену – на поклон. А актриса своего места не знает и хватается за руку первого попавшегося актера. Выходит Виксаныч. Гром оваций. Он приветствует зал,

¹³ Главный режиссер театра.

¹⁴ Областной комитет компартии.

¹⁵ В Пензе все говорят нараспев – не Миша, а Миша-а, или Ми-и-иш. Виксаныч долго, упорно и безуспешно боролся с этим в театре.

кланяется. Делает широкий жест в сторону артистов, стоящих за спиной, ступает два шага назад и, продолжая «работать на публику», пожимает руку главному герою. Затем целует руку главной героине, пожимает руку второму герою, целует руку второй героине и т. д., как он делал это на репетиции. В публике к грому аплодисментов добавляется хохот. Виксаныч не сразу сообразил, что произошло. Он продолжает свой поклон, а хохот все больше и больше. Оказалось, что из-за этой актрисы, из-за того, что она встала не на своем месте, все актеры сбились. И Виксаныч пожимал руки женщинам и целовал руки мужчинам! Публика поняла, что на их глазах произошла накладка, и ревела от восторга.

Я, слушая Валеркины слова, задохнулся от возмущения. Как можно, чтобы такое могло случиться с Учителем, да еще чтобы «публика ревела от восторга»?

Валерка заметил мое состояние. Мановением руки он остановил ржание друзей-актеров и серьезно сказал:

– Послушай, у великих людей даже ошибки становятся победой. Слушай что было дальше. Очень вовремя на сцену выходит какая-то там начальница от культуры. Она несет Виксанычу цветы, и он, естественно, целует ей руку. Именно «естественно». После этого она обращается к зрителям и от их имени приветствует режиссера из России. И говорит это по-русски. Затем с ответной речью выступает Виксаныч. Я не понял, что он сказал, потому что это не просто украинский язык. Он даже не западноукраинский. Это ивано-франковский. Этот язык отличается от украинского так же сильно, как и от русского. Представляешь, он обращается к ним на их языке! Они одобрительно похлопали его первым словам. Так принято. Дипломатия. Он их уважил, и они его уважили. Но он не останавливается. Он благодарит их за цветы и каждый цветок (это я уже понимал) называет местным именем! Они взвыли от восторга! А Виксаныч поднял руку, мол, успокойтесь, и давай дальше шпарить! Миша-а! Стояла гробовая тишина. Все понимали, что он говорит не заученный текст, и слушали его затаив дыхание. А потом! Что там творилось потом! Актеры подняли его на руки и вынесли в зал. Зрители ревели! Его осыпали цветами, и уже ему целовали руки, как священнику, Миша-а-а! Наш-то театр только-только приехал. Но уже достаточно было сказать, что ты артист пензенского театра, и тебя тут же хватили и тащили в дом! Поили, кормили на убой! Нам в первый день выдали какие-то талоны на завтрак-обед в ресторане, но про них все забыли! Каждое утро, возвращаясь с репетиции, буквально все находили в своих номерах корзины со всякой всячиной, да обязательно с бутылочкой вина. Честно говоря, по-моему, наши гастроли прошли «на ура» не потому, что мы хорошо играли. Какое там! Мы все были постоянно пьяны. Даже те, кто раньше вовсе не пил. Просто стоило в каком-либо доме произнести тост «За здоровье Давыдова!» – и все. Песни и пляски в его честь гремели до утра. Вообще-то Виксаныч должен был отправляться в отпуск. Но главный не выдержал такого приема и договорился, что Давыдов останется вместо него. Все были этому только рады. Виксаныча после репетиции увозили в неведомые дали. Мы быстренько-быстренько играли спектакль. Зрители с нетерпением ожидали финала и чуть ли не со сцены растаскивали нас по банкетам, на которых первым тостом была какая-нибудь цитата из речи Виксаныча. Все знали эту речь наизусть и с удовольствием переводили ее нам. К концу гастролей по этой речи мы тоже выучили их язык.

В подтверждение Валеркиных слов его друзья-актеры подняли бокалы и, что-то выкрикнув, залпом осушили их.

– Да-а, – сказал один из них, переходя на русский, – это были гастроли!

– После таких гастролей, – добавил второй, – надо неделю похмеляться...

– Кстати, Ми-иш, – сказал Валерка, – у тебя есть деньги? А то мы тут...

Я отдал им все, что нашел в карманах, и отправился к Виксанычу.

Напротив его двери, на подоконнике, было мое излюбленное место, на котором я коротал время, поджидая Учителя.

Когда раздались его шаги, я не утерпел и слетел на два пролета вниз.

– Миша! – Он обнял меня, и в его объятиях я вдруг почувствовал какую-то усталость.

Мы стали подниматься, и я обратил внимание на то, что ему это дается с трудом. Я растерялся. Я никак не мог соотнести это с тем восторженным рассказом, который недавно слышал от Валерки.

Когда мы вошли в его квартиру, Учитель впервые на моих глазах лег. Вы понимаете, столько лет мы просиживали с ним до шести-семи утра, а тут не было еще десяти часов вечера, а он вдруг лег.

– Может, вызвать «скорую», Виксаныч? – спросил я.

– Да нет, Миша, не волнуйтесь. Все в порядке. Это у меня нечто вроде ритуала. После посещения обкомов я должен пять минут полежать, чтобы сбросить с себя все обкомовское. Я, если хотите, медитирую, разговариваю с космосом, для которого обком то же самое, что для нас октябрятская звездочка. Вы были октябренок?

– Был.

– Тогда заварите кофе. Хотя нет. Вы не сможете. Займитесь лучше бутербродами.

Я «сочинял» очередной бутерброд, когда на кухню вошел Виксаныч. Он действительно выглядел намного лучше и, к моему великому удивлению, даже коротко хмыкнул над чем-то. Я никогда не видел, как он смеется. Он всегда ограничивался ухмылкой. Если что-то его сильно рассмешило, то «Ха-ахм!» длится несколько дольше и заразительней. Сейчас ухмылка была короче, чем обычно, но для меня она пролилась бальзамом на раны.

– Понимаете, Миша, – сказал Учитель, вертя ручку кофемолки, – нам запретили Островского. Ха-ахм!

– Как запретили?

– Окончательно.

– Кто запретил?

– Обком. Вернее, второй секретарь обкома. Он руководит в области идеологией вообще и театром в частности. Вот он и запретил.

– За что?

– За мой спектакль в Ивано-Франковске. Конечно, не только за это, но мой спектакль в Ивано-Франковске стал последней каплей в его чаше терпения. Э-э-э... берите чашки и пошли...

– Понимаете, Миша, – начал Виксаныч, когда мы удобно расположились в комнате и я, как учили, сделал осторожно первый глоток. – Э-э-э... Понимаете, Миша... Пензенскому театру всегда не везло на актеров в пьесах Островского. Или актерам не везло на Островского. Как бы там ни было, но накладки происходили почти в каждом спектакле.

Я вспомнил рассказ Валерки Зименкова и ужаснулся: неужели Учителя ожидают серьезные неприятности?!

– Мне говорили об этом, – продолжал Виксаныч. – Более того, последние годы, составляя репертуар, Островского старались обходить стороной, поэтому накладки, слава Богу, происходили не в моих спектаклях. Меня еще здесь не было. Особенно не везло «Грозе». Актеры даже додумались делать ставки. И если шла «Гроза», выигрыши были минимальными. То есть все ставили на то, что произойдет накладка.

Однажды это произошло тогда, когда Екатерина произносила знаменитый монолог, обращенный к Волге, которая одна только и может успокоить ее мятущуюся душу...

Художник, задумывая декорации, взял за основу ярославскую набережную. Там был задник, изображающий Волгу, а на сцене стояла такая балюстрадачка, такие, как бы каменные, перильца.

И вот, облокотившись на них, Екатерина просит Волгу о помощи. И вот, представьте себе, одна секция этой балюстрады, на которую актриса облокотилась, вдруг падает вниз, за сцену. Актриса едва не упала.

Некоторое время пребывала в растерянности, но быстро собралась. Чтобы спасти положение, она решилась на небольшую импровизацию.

– Что ж, – вскричала она, – это рука судьбы! – И быстро прошла на авансцену, чтобы отвлечь зрителей от злополучного места.

И вот, стоя на авансцене, обратившись к зрителям, она продолжает монолог, но в зале начинают хохотать. А монолог совсем не предполагает такой реакции. И как ни старается актриса, зал все больше и больше раздражается хохотом. Наконец она оборачивается и видит, как рука механика сцены прямо из Волги поднимает эту злосчастную балюстраду и старается укрепить ее на место. Что он там внизу делает левой рукой, не видно, но правой рукой он вынужден удерживать балюстраду вертикально на виду у зрителей.

Актриса, не ожидавшая такого рвения, про «руку судьбы» сообщила потому, что это было первое, что пришло ей в голову. А тут такая иллюстрация получилась, что она сначала замолчала, а затем, заразившись весельем зала, расхохоталась сама.

Дали занавес.

Актрису пытались успокоить, но она показывала пальцем на руку механика и захлебывалась в смехе:

– Ру-ру... к-ка судь... судь... бы!

А когда сам механик вылез, чтобы удобнее было приколачивать балюстраду, то актриса от смеха стала заикаться.

– Сам, сам... сама судь... судь... ба!

Объявили антракт. Актрису отпаивали водой. Она как будто пришла в себя. Но когда направилась на сцену, обычные лестничные перила вызвали у нее такой приступ хохота, что ее вновь пришлось оттащить в гримуборную. Она пыталась взять себя в руки, и это почти удалось, но стоило только ей представить, что в финале она должна перелезть через балюстраду и бросаться «в объятия Волги», как она падала на пол и визжала от смеха. Ее убеждали, что механика там не будет, но она в ответ только хохотала и с трудом произносила:

– А зрители?! Зрители что подумают! Куда я, «гуляющая», прыгаю?! В чьи объятия?! А-а-ах! Не могу...

Пришлось отменить спектакль и вернуть билеты.

Прошло несколько лет, прежде чем осмелились вернуться к «Грозе».

На этот раз художник построил декорации на кругу!¹⁶

А над всеми декорациями, как символ мещанства, висел огромный абажур. И на всех прогонах все крутилось, вертелось нормально. Но актеры продолжали делать ставки. И вот настал день премьеры. Что там за что зацепилось, сказать не могу, только когда Катерина с Варварой выезжали на свою сцену, сидя на огромном сундуке, этот абажур обрушился прямо на них. Помреж бросилась вниз, под сцену, и стала кричать на механика. Тот, обозленный и задерганный, стал огрызаться, а круг между тем продолжал вращение. А актрисы из-под абажура не видят, где они. Можно было бы, конечно, по кашлю, шелесту, шепоту узнать зрительный зал.

Но зал в этот момент замер. Зрители почувствовали, что случилось что-то неординарное, и с убийственным вниманием следили за развитием событий.

Огромный сундук не позволял актрисам просто встать и уйти. С него надо было сползать. А абажур словно специально наделся на них так, что снаружи были видны только колени да руки, прижатые прочным каркасом. Поэтому бедняжки сидели не шелохнувшись и проехали полный круг, прежде чем механик, опомнившись, не остановил его.

Но полный круг! Это значит, что они опять оказались перед зрителями.

– Как ты думаешь, где мы? – спросила Варвара в мертвой тишине.

¹⁶ Круг – поворотный механизм посреди сцены. Вращаясь, меняет декорации.

– Похоже, что за кулисами. Тихо вроде... – ответила Катерина.

– А по-моему, кто-то дышит, – сказала Варвара.

– Это мы дышим, – ответили из зала.

Но в этот момент все внимание зрителей переключилось на слух. Под сценой с новой силой разгорался скандал. После истеричных женских визгов мужской голос громко и отчетливо произнес:

– Вот тебе рубильник, рули!

При этом круг дернулся и вновь поехал. После чего вновь зазвучали удаляющиеся женские визги, словно преследующие кого-то.

Остальные актеры, занятые в спектакле, столпились возле пульта и спорили, давать занавес или не давать. Вообще-то это прерогатива помрежа, но она убежала за механиком, а брать ответственность на себя никому не хотелось. Актрисы же на сцене совершенно потеряли ориентацию, и зрители отчетливо слышали, как Катерина заявила:

– Я больше не могу. У меня голова кружится и руки затекли.

– Надо залезть под абажур и лечь на сундук, – ответила Варвара. – Когда все кончится, нас достанут.

Наконец появилась старая прима, игравшая Кабаниху. Ее выход был еще нескоро, и она находилась в гримуборной, когда ей сообщили о ЧП. Она молча отстранила всех от пульта и дала занавес. Затем спустилась под сцену и выключила рубильник. Эта мудрая женщина многое повидала на своем веку, поэтому все, что она делала, она делала молча и спокойно. Когда она поднялась на сцену, с Катерины и Варвары уже сняли абажур. Актрисы смотрели на мир помутневшими глазами и принимали все, что им совали в виде помощи: кто воду, кто коньяк. Прима-Кабаниха молча отстранила немощных помощников, взяла девушек под руки и быстро провела в туалет. Так быстро, что успела как раз вовремя...

Самое удивительное, что с того дня абажура стали бояться все, кроме Варвары и Катерины. Я называю это «эффектом метро». Знаете, в метро боишься турникета только до тех пор, пока он тебя не шелкнет. Потом уже не боишься. Так и с актрисами. Только они двое не обращали внимания на абажур. Остальные же актеры нервничали и раздражались, находясь под ним. Стоило во время спектакля раздаться постороннему треску или даже просто громкому кашлю, как они норовили резко отпрыгнуть в сторону. Из-за этих неоправданных прыжков пришлось снять спектакль с репертуара.

В последний раз «Грозу» поставили незадолго до моего приезда. В это время в театре работали двое молодых ребят-осветителей. Они очень гордились своим местом работы и часто хвастались перед друзьями. Те, в свою очередь, то ли из зависти, то ли из корысти принялись их подначивать. Дескать, что такое артисты в театре, мы понимаем. Они на виду, им аплодируют, их знают. А вы, мол, то ли существуете в театре, то ли просто числитесь, никто вас все равно не видит. И до того завели парней, что те заключили пари на то, что придет время, и весь театр будет им рукоплескать. Ребятишки ничего не знали о зловключениях «Грозы», но почему-то именно этот спектакль выбрали для своего триумфа.

На этот раз во время постановки «Грозы» особое внимание уделили декорациям. И художник, и цеха сделали такие декорации, которые невозможно было не то что опрокинуть – даже с места сдвинуть. Ничего не подвешивалось, а значит, не могло рухнуть вниз. Продумали все, кроме, как теперь говорят, «человеческого фактора». Видя такие приготовления, многие в театре на этот раз поставили на то, что спектакль пройдет без накладок, поэтому мальчишки оказались вдвойне жуликами, когда делали свои ставки. Они-то знали, что должно произойти. В день спектакля друзья-товарищи хорошенько напоили их для храбрости, поэтому на сцене они появились ничтоже сумняшеся. Да как появились!

В этот момент Катерина молилась в церкви.

Сцена пронзительная, подчеркнутая огромным иконостасом и интимным светом. И вдруг на другом краю сцены появляются два пьяных паршивца. Их приятель из аппаратной, разделивший с ними до этого дармовую водку, дает на них основной свет, и негодяи, взявшись за руки на манер маленьких лебедей, дают импровизированный балет. Вдоволь напрыгавшись и навертевшись, они начинают делать реверансы, требуя аплодисментов. Но зрители восприняли их выходку не как отдельный номер, а как режиссерский замысел пьесы. Действительно, было что-то схожее с чертями, искушающими Катерину. Кто-то вырубил свет, обращенный на них. В темноте обоих втолкнули в кулисы и поволокли к директору. Молодой актрисе, игравшей Катерину, просигналили: «Играй дальше!». Но та с перепугу забыла текст. У нее вдруг всплыли в памяти молитвы, которые в детстве читала ей бабушка, и она начала их читать в полный голос и с выражением.

Дали занавес. Раньше времени объявили антракт. Потом кое-как доиграли спектакль. Когда выяснили причину этой выходки, многие даже пожалели плачущих мальчишек, на которых директор наложил штраф с последующим увольнением. Но когда выяснилось, что они делали ставки и выиграли довольно крупную сумму, вот тут возмущению театра не было предела. Выигрыш негодяев покрывал их штраф, поэтому, по единодушному требованию, их немедленно уволили.

– Да, Миша! – прервал вдруг рассказ Виксаныч. – Помнится, перед отъездом в Ивано-Франковск я научил вас пить водку. Но водку нельзя совмещать с кофе, поэтому я научу вас пить коньяк. Я как раз по дороге купил армянский коньяк. Достаньте, пожалуйста. Он у меня в сумке. Так, теперь вон те стаканчики. Только стаканчики! Ни в коем случае не рюмки. Э-э-э... вообще-то это немного не те стаканчики. Это азербайджанские стаканчики. Они называются армуды. И из них пьют чай. Но ничего... Они сгодятся и для коньяка. Так. Наливать надо понемногу, а пить маленькими-маленькими глоточками. Собственно говоря, это называется даже не пить, а смачивать губы. Как будто вы только губы смочили коньяком. И потом кофе. Ни в коем случае нельзя пить коньяк с кофе! Только кофе с коньяком. Если сумеете соблюсти пропорции, получите незабываемый аромат как кофе, так и коньяка!

– Да. Э-э-э... так вот, не только с «Грозой» происходили неприятности. «Волки и овцы» тоже, можно сказать, не отставали.

...В одном спектакле дело уже шло к развязке. Приезжает петербургский делец, этакий главный волк, тип зарождающегося капиталиста, одним махом сжирающий всю эту копошащуюся братию. Он вальяжен и в тоже время страшен. И вот его выход. Дело происходило зимой, и осветителям на лесах выдали валенки. Там, под самым потолком, жуткий холод. А поскольку они работают с электричеством, то на валенки наплавлены такие резиновые подошвы, отчего они очень тяжелые, эти валенки. Идет себе этот капиталист Беркутов через всю сцену, представляете себе, такой волчара. Идет, чтобы всех сожрать, а у зазевавшегося осветителя слетает с ноги этот валенок. И ведь нарочно прицелишься, а так не попадешь – прямо по голове!

Тут же занавес. На спектаклях по Островскому у кнопки уже прямо дежурили.

У актера легкое сотрясение мозга, спектакль сорван!..

Да, была и у меня накладка в «Волках и овцах». Мы хоть и не сорвали спектакль, доиграли до конца, однако Островский сильно бы удивился, если б увидел этот спектакль. А началось все очень хорошо, просто здорово. Так бывает, когда кто-то из ведущих актеров заводится и заводит остальных. И вот идет сцена, когда оболтус Мурзавецкий что-то болтает о любви с единственной целью – выцыганить у Купавиной взаймы. И там, между прочим, он дважды повторяет: «Но на колени я перед вами не встану. Я горд!» А затем выклянчивает у нее пятерку. Купавина, сидя в кресле, выслушивает его глупые признания. Затем она должна встать, подойти к столу, взять из сумочки пять рублей и, уходя, с презрением сунуть их несостоявшемуся дон жуану. Вот актриса собирается встать, да только чувствует, что ее платье зацепилось за гвоздь, торчащий в кресле. Она слегка поерзала, надеясь отцепиться, но только

еще больше запуталась. А платье, как на грех, легкое, газовое, и бедная актриса поняла, что если встанет, то останется в неглиже. Можно, конечно, сидя сказать, чтобы Мурзавецкий сам взял пятерку из сумочки, но беда в том, что уходить со сцены надо ей! И она с мольбой смотрит на партнера. Хороший актер, он прочел в ее взгляде все. Он бросился перед ней на колени, хотя только что твердил: «Никогда!.. Я горд!», обнял ее за талию и стал нашаривать злополучный гвоздь. А чтобы оправдать такую пылкость, продолжил объяснения в любви, но уже не по Островскому, а от себя. А поскольку в этих кружевах гвоздь не сразу отыскался, его пылкие признания совсем сбили с толку неопытную актрису, и, чтобы не сидеть дура дурой, она решила обнять его голову, поиграть локонами и признаться, что она тоже неравнодушна к нему... Представляете, какой кошмар!

Мы объявили незапланированный антракт, в котором быстро дописали за Островского несколько коротких сцен и экспромтом, кое-как, вывели спектакль к финалу, задуманному автором.

– Так что, Миша, я тоже пострадал от Островского. Но не больше, чем от других авторов. Просто Островского ставят чаще, чем других. Делать спектакли по его пьесам – одно удовольствие! Только вот в Пензенском театре накладки на спектаклях по Островскому чаще, чем на других. Ха-ахм, это даже интересно, почему?

– Неужели из-за вашей накладки теперь запретили ставить Островского?! – воскликнул я с горечью.

– Из-за какой накладки? – удивился Учитель.

– Из-за этой... с поклоном.

– А, вам уже рассказали. Да-ахм-м! – Виксаныч протяжно и заразительно хмыкнул. – Ну что вы, Миша, какая это накладка, это ерунда! Смешно получилось, правда? – И он еще раз довольно хмыкнул и, продолжая улыбаться, сообщил: – Не-ет, Миша, мне пришили политику... Как вы знаете, я ставил в Ивано-Франковске «Без вины виноватые». Вместе с художником мы оформили не только сцену, не только весь театр, но и все пространство вокруг.

Зрители уже при входе в театр как бы попадали в 19 век. Спектакль начинался со спектакля. Я нашел пьесу, которую играла Кручинина! На сцене мы построили две ложи-бенуа, и после третьего звонка левую ложу занял Грумов. После этого появляется полицмейстер и объявляет:

– Их высокопревосходительство генерал-губернатор!

И в зал входит генерал-губернатор с супругой, толстой высокомерной генеральшей. Она идет ни на кого не глядя, лишь изредка непонятно кому обнажая зубы в снисходительной улыбке. Генерал-губернатор небрежно козыряет направо и налево со словами: «День добрый, панове». Сзади семенит дочка, барышня-курсистка. Она опустила глазки вниз и лишь изредка стреляет ими по сторонам. Замыкает шествие сын-корнет. Он откровенно рассматривает красивых девушек (а таких в Ивано-Франковске великое множество), очаровательно улыбается, а от себя актер даже сообщил кому-то, что обязательно позвонит. Я не стал ему запрещать это. Настолько естественно у него получился жест. Итак, семейство занимает правую ложу. Генерал-губернатор отвешивает общий поклон, дает знак полицмейстеру. Тот машет за кулисы, и действие начинается.

После второго премьерного показа меня пригласили в местный обком партии. Не вызвали, а именно пригласили. За мной прислали машину, меня очень радушно встретил второй секретарь. Расспросил о здоровье, о моих впечатлениях от города, от театра. Поинтересовался, нет ли у меня каких-либо просьб и пожеланий. Потом перешел к делу.

– Я бы хотел обсудить с вами одну проблему, – сказал он. – Видите ли, у вас в спектакле генерал-губернатор приветствует зрителей словами: «День добрый, панове.» Понимаете, в чем дело: наш край в составе Советского Союза практически только с 1944 года, поэтому довольно много людей жили еще при буржуазном правительстве, и такое приветствие может вызвать

нездоровые ассоциации. Если это не повредит вашему замыслу, я бы просил вас перевести приветствие генерал-губернатора на русский язык.

А я готов был к этому разговору. Более того, я с самого начала собирался сделать это приветствие по-русски. Это исторически верно. Но, на мой взгляд, именно эта историческая правда и вызывала «нездоровые ассоциации». Поэтому я и не решился вставить ее на премьере. Честно говоря, я ожидал, что меня об этом попросят, правда, не на таком большом уровне, поэтому я сразу согласился со вторым секретарем, и он очень обрадовался, что так скоро дело сладилось. Однако после третьего спектакля меня снова пригласили в обком. На этот раз и встреча была пышнее, и разговор «ни о чем» продолжительнее. Мы расположились в специальной комнате, на этот раз без всякой свиты, один на один, как старые знакомые, и успели изрядно выпить и закусить, прежде чем секретарь перешел к делу.

– Моя просьба, – сказал он, – может показаться вам странной, но, тем не менее, я вас попрошу. Можно сделать так, чтобы ваш генерал-губернатор вообще не здоровался.

Вот к этому, Миша, я готов не был.

– Как же ему не здороваться? – удивился я. – Такого быть не могло! Вот его жена-дура проходит молча. Так что же, и он такой же болван получается? Но даже если он полный болван, ему должны были подсказать правила поведения в театре. Вы представьте себе генерал-губернатора молчаливо шагающего по залу мимо сограждан.

– А зачем там вообще появляться этой семейке? – в сердцах воскликнул секретарь.

– Мы же воссоздаем атмосферу 19 века, – ответил я.

– Зачем?

На этот вопрос я долго не мог ему ответить, пожал только плечами.

– Пьеса написана в 19 веке... А утверждена к постановке у вас Министерством культуры СССР.

Миша, наверное, трудно придумать более дурацкий ответ. Я потом пытался, но так ничего более дурацкого и не придумал.

Секретарь задумался, потом предложил продолжить трапезу, а когда с ней покончили, он пришел к выводу, что ответ его вполне устраивает. Вот пусть за все и отвечает Министерство культуры СССР.

– А что, – поинтересовался я, – опять «нездоровые ассоциации»?

– Еще какие! – ответил он.

Оказалось, что вчера на спектакле присутствовал первый секретарь обкома, то есть нынешний генерал-губернатор. И тоже с семьей, женой и сыном. Так вот, нынешний ни с кем не поздоровался, не говоря уж об общем поклоне. И сын его никому не пообещал позвонить. Они сидели, словно не замечая зала, вызывая «нездоровые ассоциации».

– Но скажите же мне, Миша, почему в таком случае именно я подорвал авторитет партии?! Хотя нет, ничего не говорите. Давайте лучше выпьем на посошок. Смотрите, как надо пить коньяк без кофе...

Эх, черт возьми, сорвалось!..

Санстинна, жена Виксаныча, долгое время работала режиссером Ярославского театра кукол. К моменту нашего с ней знакомства она уже была на пенсии, но продолжала дома делать кукол для театра. Говорили, что Санстинна была любимой ученицей Образцова, что одно время он даже ухаживал за ней. Вполне возможно. Как вполне возможно и то, что постоянное общение с куклами сохранило ей молодость на долгие годы. Даже в пенсионном возрасте Санстинна оставалась очень красивой и веселой женщиной, которую Виксаныч старался огорчить. Правда, только раз в году, когда Санстинна устраивала себе отпуск и приезжала к нему.

Накануне ее приезда Виксаныч «трубил Большой сбор» и объявлял генеральную уборку.

– Понимаете, Миша, она уверена, что без нее я здесь зарос грязью. Когда она приезжает, то устраивает форменный шмон, и если только обнаруживает пылинку или пятнышко, то радости и торжеству ее нет предела. Я же всякий раз стараюсь ее огорчить. А для этого приходится убираться с особым тщанием. Обычно мне это удается. Тогда она впадает в истерику. Сначала она ругается на меня за то, что я худой, плохо подстриженный. Ха-ахм! Что там еще она может придумать?.. Да! Что у меня нет телевизора – это она обязательно вспомнит – и что маленький холодильник. Потом она выдохнется, и в ее арсенале останутся только сарказм и мелкие уколы. Обычно это длится не дольше суток. Но если она найдет хоть одну пылинку!.. Тогда весь ее отпуск я должен буду выслушивать нотации, как надо вести хозяйство. Ей уже не нужен будет телевизор. Наоборот, будь у меня телевизор, он только бы мешал ей читать мне лекции по домоводству. Холодильник окажется идеальных размеров, только я совершенно не умею им пользоваться. Вот к каким последствиям может привести одна пылинка! Поэтому самую ответственную работу – протирание книг – я возьму на себя. И не спорте, Миша! Мы их все не успеем протереть. Однако я знаю, куда она заглянет и на что обратит внимание, а вы – нет.

Я не знаю, насколько была огорчена Санстинна – на шмоне я не присутствовал, – однако за «труды» я был награжден тем, что Виксаныч впервые разрешил мне присутствовать на репетиции в театре.

Там, в зале, я и познакомился с Санстинной. Ее язвительные замечания в адрес Виксаныча говорили о том, что потрудились мы не даром. Учитель воспринимал эти уколы с видом полководца, который ожидает полной капитуляции противника и абсолютно безразличен к его последним выстрелам. Пребывая в этом состоянии, он не сразу заметил, что обстановка на сцене несколько накалена.

Репетировали пьесу Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского». Сама репетиция шла по накатанной схеме, однако за кулисами то и дело слышались нервная перебранка и возмущенное шипение.

Артисты любых театров во все времена время от времени ропшут на «режиссерский диктаг».

«Актер – творец на сцене, а не марионетка!» – этот лозунг раздается и в Английском Королевском театре, и в Пензенском драматическом.

За англичан я как-то был спокоен, а вот выход в зал пензенских актеров меня насторожил. Их было всего двое, но это были ведущие актеры театра, члены месткома, профкома, худсовета и т. д. Шли они решительно, словно матросы в последний бой.

Подойдя к Виксанычу, исполнитель главной роли внушительным шепотом проговорил:

– Сейчас пойдет финальная сцена, и мы хотим предложить вам домашние заготовки. В конце концов, мы тоже имеем право на творчество. Мы не марионетки!

– Да ради бога! – спокойно ответил Виксаныч. – Я буду только рад, если вы нашли удачное решение. Главное, суметь объяснить это и доказать, если наши решения разойдутся. Я буду приводить контрдоводы, и тогда то, что окажется менее жизненным, должно будет уступить.

В ответ актеры сделали «чрезвычайно церемонный» поклон и удалились.

– Да если б они только видели, как грациозно кланяются мои марионетки, – прошептала Санстинна, – они бы устыдились.

Напомню, что в финальной сцене Кречинский с невестой, наследницей миллионов, ожидает у алтаря благословения папаши. Но в самый последний момент вбегает еврей-ростовщик с полицией и обвиняет Кречинского в мошенничестве. Тот терпит крах, что называется, в двух шагах от миллионов. Выход бунтарей на сцену сопровождался напряженной тишиной за кулисами. Некоторые актеры осторожно вошли в зал и сели позади нас. Таким образом, Учитель, Санстинна и я оказались «в кольце».

Повернувшись к нам спиной, Кречинский настраивался, словно тяжелоатлет перед рекордом. Он тихо перекинулся несколькими фразами с партнерами, что-то ответил стоящим за кулисами. Затем обернулся к нам.

– Мы готовы.

– Мы тоже, – ответил Виксаныч.

На сцене все замерли, а затем почему-то по хлопку Кречинского резко пришли в движение.

Когда появился еврей с полицией, Кречинский замер в огромной паузе, вперив взгляд прямо в меня. От этого взгляда мурашки побежали у меня по спине до самого копчика. Я нервно заерзал в кресле. Даже Виксаныч и Санстинна обернулись в мою сторону.

Но в это время Кречинский завыл. Это был щемящий душу вой. Так воют собаки, когда в доме покойник. Волосы у меня на голове сначала поднялись, а потом заиндевели.

Я твердо убежден, что начал лысеть именно с этого момента. Потому что в следующую секунду Кречинский ухватился за свою шевелюру и так рванул руки в стороны, что в его пальцах остались пучки волос. Не парика! Его собственных волос!

Я был потрясен, раздавлен эмоциями, которые взрывной волной ударили со сцены. Я даже не понял, что кричал, а вернее, выл Кречинский еврею-ростовщику. Сжатые кулаки с торчащими меж пальцев волосами приковывали мое внимание.

Когда все закончилось, наступила звенящая тишина. Актеры, которые прятались за кулисами, вышли на сцену, и весь состав уставился на Учителя.

Виксаныч молча достал папиросу и закурил (особая привилегия режиссеров: только им разрешается курить в зале).

Актеры сошли со сцены и плотным кольцом окружили нас. Виксаныч продолжал молчать. Может быть, в самом деле размышлял, а может, показывал актерам, как надо держать гигантскую паузу.

– Так, хорошо, – наконец проговорил он. – Ну что ж, может быть... – Так говорят, когда что-то не то, и просто подбираются слова, чтобы это объяснить.

Кречинский недовольно фыркнул и обвел актеров взглядом, словно призывал в свидетели «режиссерского диктата». По их рядам прошелестел ропот недовольства, с которого обычно начинаются бунты. Но в этот момент Виксаныч, сильно затянувшись папиросой, вдруг сразу, без предисловий...

– Однажды я набирал новый курс в Ярославском театральном училище. Только что у меня курс выпустился, и вот я набирал новый. Как вы знаете, первый тур длится очень долго. Абитуриентов очень много. И, что самое удивительное, ребята, приезжающие из разных уголков страны, привозят одну и ту же басню. Конечно, не все, но процентов восемьдесят читают, словно заранее сговорившись, одну и ту же басню. Стихи, проза – это все разное, а вот басня почему-то одна. Что интересно, каждый год это разные басни. Один год читают «Стрекоза и муравей», другой год... Нет, вы послушайте! То, что я расскажу, может вам пригодиться... Так вот... э-э-э, другой год – «Ворона и лисица», третий – что-то там еще. Так вот, в этот год была «Лиса и виноград». И вот в комнату, где сидим мы, приемная комиссия, входит девушка. Я

не могу вам описать, как она была красива! Это... это настоящая русская красавица! Розовощекая, голубоглазая, ну до того милая!.. Нет, вы понимаете, есть очень красивые девушки, и очень многие из них идут в театральные вузы. Так что я повидал многих. Но такой!.. Словом, это была необычайно красивая девушка. Мы с директором – а директор мой большой друг, и он тоже был в приемной комиссии – мы с директором прямо залюбовались ею.

– Вот-вот, расскажи, как вы с Фирсом распустили слюни, – не преминула уколоть Санстинна. Видимо, сутки еще не прошли.

Однако ее укол возымел неожиданное действие. Актеры явно заинтересовались и расположились слушать. Кто уселся прямо на пол, кто влез на сцену, с задних рядов перебрались вперед, чтобы не только слышать, но и видеть.

– Так я и рассказываю! – воскликнул Виксаныч. – Э-э-э... и вот девушка начала читать свою программу. Начала с басни «Лиса и виноград». А мы уже вторую неделю слушаем эту «Лису». Так что мы слегка, как теперь говорят, «притухли»... Но как она читала! Как она смотрела на виноград, как ей хотелось этого винограда! Короче говоря, когда она закончила, мы объявили перерыв и всей комиссией кинулись в буфет. Прозу и стихи она читала уже на втором туре, и вновь мы были потрясены! Какие данные! Мы предложили ей сыграть небольшой этюд с партнером. Что-то вроде первого свидания, сейчас не помню точно, небольшой этюд. Но как только вышел парень, она так покраснела!.. Боже мой! Она что-то лепетала – понять было трудно – но это было так очаровательно! Получился этюд гораздо интереснее того, что предложили мы! Стали ее расспрашивать, кто она и откуда. Оказалось, она из Сибири. Из маленького городка под Омском, из семьи староверов. Стало понятно, почему она так смущается в любовном этюде. Она с семьей раньше вообще жила в тайге, и только болезнь матери заставила их перебраться в городишко. Там она пошла в школу и там впервые увидела драмкружок. И стала грезить театром. Но отец, когда узнал об этом, сильно ругался и категорически запретил ей ходить в этот кружок. Одно время он даже в школу ее не пускал. Но пришли учителя, директор, и после долгих уговоров и угроз школу для нее они отвоевали. Но каждый день после уроков он приходил за ней, чтобы, не дай бог, она не осталась на кружок. А она продолжала мечтать о театре. И когда закончила школу, решила поступать в театральное училище. Что тут началось в доме! Отец кричал, что он проклянет ее, что не даст ей ни копейки, что спрячет документы, и ее все одно не примут, что убьет ее, в конце концов, собственными руками!

– И вот я приехала просто так, – сказала она, – попробовать. Может, я еще и не подойду...

А мы уже с директором раз пять переглядывались и глазами говорили друг другу: «Берем! Обязательно берем!». Как и другим, прошедшим на третий тур, дали ей задание подготовить большой этюд. Только на этот раз отказались от любовной тематики, а остановились на чем-то таком, мелодраматичном.

Только когда она ушла, директор раскрыл папку с ее документами и посмурнел.

– А ведь у нее действительно нет паспорта. Как быть?

– Не быть педантом, – ответил я. – Что-нибудь придумаем.

И вот наступил третий тур. Прошло несколько этюдов, и секретарша вызывает Веру... Вспомнил! Ее звали Верой. А вот как ее фамилия, не помню...

– Винникова, – подсказала Санстинна.

– Винникова? Может быть. Да, точно! Вера Винникова. Э-э-э... значит, вызывает секретарша Веру Винникову, но не успевает полностью произнести фамилию, как Вера влетает в комнату. Захлопывает за собой дверь и держит ее. А дверь ходуном ходит. Наконец распахивается, и в проем с трудом протискивается здоровенный бородатый мужик с огромным крестом на шее. Он глядит на нас злыми глазами и говорит:

– Какое вы имеете право... мою дочь?

А голос у него громоподобный. Он не кричит, но от его голоса вся комиссия задрожала. Вера тянет его за руку.

– Тятя, тятя, при чем тут они? Я сама...

Но он отталкивает ее и направляется к нам.

– Я сейчас разберусь с ними.

Ужас! Вся комиссия попряталась под столы!

– И ты там был, – язвительно вставила Санстинна.

– Нет, меня там не было, – спокойно возразил Виксаныч. – Я, ха-а хм! Я не успел. А директор из-под стола кричит что-то о милиции, и даже паспорт упомянул. Вера закрывает нас то грудью, то спиной, и все время молит:

– Тятя! Дорогой, любимый. Я вернусь, я уеду с тобой, только не трогай...

А он толкнул ее так, что она упала, но успела ухватиться за его ногу и не дает ему к нам приблизиться. Он волочит ее по полу, она рыдает и молит его, молит...

– Такое можно было увидеть только из-под стола, – заключила Санстинна.

– Да нет же! Говорю тебе, я не успел, – отмахнулся Виксаныч. – Он-то свою роль не так хорошо сыграл. Нас поразили его габариты. Но в следующую минуту я узнал в нем настройщика пианино из нашей филармонии. Короче говоря, когда из-под стола директора прозвучало что-то вроде того, что мы больше так не будем, Вера встала, отряхнулась и сообщила:

– Роли исполняли...

Опять перерыв, буфет, хохот и поздравления в мой адрес в приобретении такой студентки.

Все педагоги ее сразу полюбили, она успевала по всем предметам. Однокурсники ее тоже полюбили, но и уважали. Вера так сумела поставить себя, что никто и не помышлял с ней флиртовать.

Она была верующей, и это придавало ей некий ореол святости. Ха-ахм! Представляете, каково ей было на диамате и истмате? Особенно на экзаменах. Ведь приходилось доказывать то, во что ты не веришь! Тем не менее сессию она сдала блестяще. Однако что делать с ее документами, мы так и не придумали.

Она уезжала на зимние каникулы домой и надеялась своими пятерками уломать отца. Вернее, даже не надеялась. Только сказала:

– Попробую...

– А ты не говори ему, куда ты поступила, – предложил директор. – Хочешь, я тебе достану справку из медицинского училища?

– Я не могу обманывать отца, – сказала Вера, и директор покраснел. – Я попробую его убедить.

Но убедить не получилось.

И когда она вернулась ни с чем, я познакомил ее со своим другом-адвокатом. Выслушав ее историю, тот сразу нашел простое решение. Ей надо в своем городе пойти в милицию и написать заявление об утере паспорта. И получить новый. Все!

– Но это значит обманывать милицию? – спросила Вера.

– Ни в коем случае, – возразил адвокат. – Ты знаешь, где твой паспорт?

– Где-то у отца...

– А где именно? Может, он его уже давно сжег, может, разорвал на мелкие кусочки.

– Не знаю...

– Вот видишь! Для тебя твой паспорт утерян, раз ты не знаешь, где он.

Оставалось только одно препятствие. Восстановление паспорта длилось не меньше месяца, и за такой срок она могла сильно отстать в учебе. Поэтому решили, что заниматься паспортом она начнет на летних каникулах.

Вторую сессию она сдала так же превосходно, как и первую. Тем не менее на заседании деканата, на котором студентов переводили на второй курс, встал директор и сказал, что вопрос

о Вере Винниковой он снимает до тех пор, пока она не предоставит документы. Все педагоги зашумели, набросились на него кто с мольбой, кто с упреками. Но директор был непреклонен.

Я шел на свой курс, и мне было очень тяжело идти. Я знал крепких ребят, которые плакали, когда им сообщали об отчислении. Хотя отчисляли их за плохую учебу, за профнепригодность, а тут...

И еще я был уверен, что за год мне удастся преодолеть ее стеснительность. Трудно представить себе пьесу, в которой женская роль так или иначе не была бы связана с любовью.

Я думал, что, сыграв десяток таких ролей и этюдов, она привыкнет и перестанет краснеть. Ничего подобного! На показах приходилось использовать грим, а на экзаменах добавлять толстый слой пудры.

У нас на курсе перед открытием занавеса вместо вопроса «Все готовы?», я спрашивал: «Веру напудрили?». Когда ребята отвечали «да», это означало, что все готовы. Занавес. И вот такой девочке мне придется сообщить, что ее не переводят на следующий курс.

Я очень боялся, что она расплчется, – я бы не выдержал ее слез.

Но она держалась молодцом. Только спросила:

– Виксаныч, когда я привезу документы, я смогу учиться со своим курсом?

Я клятвенно пообещал ей это. И она уехала.

Осенью, когда начались занятия, Вера не появилась. Мы очень волновались за нее, писали ей письма, но ответа не получили.

Вместо ответа к нам нагрянула милиция. Они перерыли весь отдел кадров и наткнулись на документы Веры Винниковой. Документы, касающиеся ее учебы. Они есть. А ее личных документов нету.

Они приходят к директору.

– Откуда эта девушка? Где прописана?

– Понимаете, – отвечает он им и начинает рассказывать ее историю.

– Какое вы имели право принимать ее без документов?

– Понимаете, – опять говорит он им и объясняет, что есть талантливые люди... Что наше училище...

– Понятно, – прерывают его милиционеры. – Мы заберем ее фотографию, а вам оставим наш телефон. Как только она появится, немедленно сообщите нам.

– А что, собственно, случилось? – спрашивает директор.

– Ничего, кроме нарушения паспортного режима, – отвечают милиционеры. – Вам мало? Тогда не забудьте позвонить.

Прошла еще неделя, и однажды в коридоре училища я вижу Веру Винникову. Собственной персоной. Она бежит ко мне с новеньким паспортом в руке.

Подбежала, кинулась мне на шею, чмокнула в щеку и тут же, отскочив, густо покраснела. И от смущения затараторила:

– Виксаныч, я достала все-все документы! – Она открыла сумочку. – Вот аттестат, вот справка, вот свидетельство... Виксаныч, помните, вы обещали...

– Конечно помню! – радостно подтвердил я. – Где ты так долго пропадала? Почему не ответила на письмо?

– Какое письмо?

– Мы послали письмо. Мы же волновались...

– Куда послали?

– Тебе домой. Ты разве не получала?

– Да что вы? Я же дома не жила. Я окончательно поругалась с отцом.

– Но почему все же так долго?

– Виксаныч, это так трудно было... Вы давно меняли документы?

– После войны.

– А-а-а... Попробовали бы сейчас...

– Ладно, беги к ребятам. У них сейчас физкультура, они в зале, – сказал я, а сам побежал к директору.

– Вера приехала! – сообщил я ему.

Директор стоял лицом к окну и молчал. Даже не обернулся. Наконец сказал:

– Знаю, я видел ее в окно. И уже позвонил в милицию.

– Зачем? – У меня совсем из головы вылетел визит милиционеров.

– За тем, что я директор. Тебе мало?

Минут через пять приехали милиционеры. В штатском. Пять человек. Они вошли в кабинет директора, и старший сразу спросил:

– Где она?

– Со своим курсом, – ответил директор.

– Но вы можете мне объяснить, зачем она вам так нужна? – И он красноречиво оглядел всех пятерых.

– Мы из уголовного розыска, – сказал старший. – Пять лет мы ловим опасную рецидивистку. И все пять лет она уходит от нас, как сквозь пальцы. Она знакомится с людьми, входит к ним в доверие, а потом обворовывает их. Причем, если это командировочный, она успевает наведаться к нему домой, пока он здесь разбирается и занимает деньги на билет, и очищает его дом.

– А почему вы уверены, что это наша Вера?

– А мы и не уверены. Просто один из потерпевших – москвич, в конце лета снова приехал в Ярославль в командировку и на набережной столкнулся с девушкой, после знакомства с которой его и обворовали. Так вот эта девушка заявила, что она его знать не знает и никогда не видела. Только после этого он рассказал про нее в милиции. Мы опросили других пострадавших. Оказалось, что все они были знакомы с красивой, милой и доброй девушкой. Но никто из них не подумал на нее.

– Вы сказали, что она рецидивистка, – вступил я в разговор. – Сколько же ей лет?

– Все говорят по-разному. Кто считает, что ей двадцать пять, кто дает под тридцать...

– Нет! Что вы! – загалдели мы с директором хором. – Нашей Вере восемнадцать-девятнадцать! Она год с небольшим как школу окончила.

– Ну что ж, – говорит милиционер, – мы зададим ей несколько вопросов, и все.

– Только я вас очень прошу, – говорит директор, – сделайте это так, чтобы не травмировать ни ее, ни ребят. Поймите, это театральное училище. Наши студенты все воспринимают несколько острее...

– А вы пригласите ее в ваш кабинет.

– Хорошо, я пошлю секретаршу. Сейчас будет звонок.

Этот звонок будто у меня в голове прозвенел. Я словно очнулся, когда двое дюжих молодых встали по бокам двери, а двое других заняли позицию у окон. До этого момента я просто с интересом слушал рассказ о какой-то рецидивистке и разглядывал сыщиков, которых впервые видел за работой. И все это было далеко от меня, от Веры, даже от директора. Когда же со звоном мизансцена в кабинете директора мгновенно изменилась, я вдруг представил, как сейчас сюда войдет Вера, как ее схватят за руки, будут задавать вопросы, нет, не так, – будут производить допрос, а я стану участником этого допроса!

И вот выясняется, что это ошибка. А девочка напугана, слезы, истерика. А я? Что я буду делать? Утешать ее? Не плач, все закончилось. У кого закончилось? Это у них закончилось. А у меня с Верой впереди еще три года! Как же я ей в глаза буду смотреть? Что мне делать?

Уйти я не мог. У дверей стояли милиционеры. В приемной открылась дверь... Что мне делать? Стоять, как эти четверо, у дверей и окон, или сесть вместе с директором и старшим?

Я сел и почувствовал, что покраснел до корней волос. Когда раздался стук в дверь, я уже пылал и дымился. Перед глазами стояла пелена, сквозь которую я увидел Веру Она вошла такая веселая и счастливая, кажется, начала что-то говорить не то мне, не то директору, но, заметив посторонних людей, повернулась, чтобы уйти. Увидела двоих у дверей и сразу все поняла. Я по спине увидел, что она все поняла! Она снова повернулась к нам...

Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Ни одна кровинка не подступила к ее щекам. Она только эффектно так щелкнула перед лицом пальцами и сказала совершенно незнакомым мне голосом:

– Эх, черт возьми, сорвалось!..

«За красоту! А ля Париж!»

В этот вечер Виксаныч кого-то ждал.

– Миша, – сказал он, как только открыл мне дверь, – понимаете, Миша, ко мне скоро должны прийти ребята-художники... Хотя постойте, не уходите. Может быть, они и не придут. Они готовят выставку. Пойдемте пока попьем с вами кофейку. Проходите сюда, на кухню. Вы знаете, как я варю кофе? У-у-у! Я смешиваю пять или шесть сортов. Один для крепости, другой для аромата и т. д. Дайте вон ту чашку. Нет, не эту, рядом! Пока режьте булку... Нет, не так. Смотрите, булку надо резать вот так!.. Д-а-а, выставку делать очень трудно. Столько всего надо предусмотреть... Масло намазывается вот этим ножом. Вы знаете, в одном городе... Вот сахар... в одном городе – это было на юге – была выставка одного художника. Этот художник – мой большой друг. Он портретист, то есть он писал портреты. И больше всего он любил писать портреты детей. И главное – они у него лучше получались. И вот на своей выставке несколько детских портретов он выставил как «гвоздь» программы. Они висели в центре всей экспозиции и были ее украшением.

Пришла комиссия, посмотрела выставку. И надо же такому случиться: в комиссии оказался директор школы, в которой художник писал портреты детей. Директор сразу узнал своих подопечных и говорит:

– Эти портреты не могут быть выставлены.

– Почему? – удивился художник.

– Потому что это двоечники.

– Позвольте, какие двоечники? Это портреты. Это живопись!

– Это не живопись, это двоечники.

– Да поймите же вы, это просто интересные для меня характеры, типы лиц...

– Эти типы – двоечники! И в них нет ничего интересного! Мы их всячески ругаем, а вы их рекламируете!

– Какая реклама? Это живопись...

– Но директор побежал к председателю комиссии и добился-таки того, что эти портреты сняли. Так что выставку делать очень трудно... Подайте, пожалуйста, спички. Хотите еще кофе? Наливайте.

Виксаныч сел поудобнее на стуле и закурил. Пока я разливал кофе, он глядел на дым от папиросы и о чем-то думал.

– В этом городе, – вдруг тихо сказал он, – я начинал работать... Я приехал сюда сразу же после института. Первые дни я знакомился с театром, городом. Мои новые друзья – молодые актеры, художники – показывали мне достопримечательности: памятники, лестницу к морю, старинную башню, в общем – обычный набор. Так продолжалось дня четыре. На пятый день рано утром я иду по коридору театра и вижу, что дверь директорского кабинета открыта. И в кабинете напротив директора сидит какая-то женщина. Она сидела ко мне спиной, и я не мог ее разглядеть. Но меня привлекла ее шляпка. Уж очень старомодная шляпка. Знаете, когда-то носили такие шляпки с искусственным натюрмортом на полях. Там виноград, какие-то листья, еще что-то, словом, такая вот была шляпка. Я уже прошел было мимо, но тут директор театра окликнул меня и попросил зайти.

– Вот, – сказал он, обращаясь к женщине, – вот, Эмилия Александровна, тот человек, который вам поможет. Он как раз занимается вашим делом. Виктор Александрович, пожалуйста, разберитесь и помогите даме.

Женщина обернулась ко мне, и я невольно вздрогнул. Передо мной сидел живой образ Бабы-яги из детских книжек. Длинный, загнутый крючком нос, резкая щель рта, выцветшие, словно без зрачков, глаза и морщинистая черепашья кожа.

Когда она поднялась, опираясь на палку, ее тощее тело остановилось в позиции вопро- сительного знака. Казалось, что натюрморт на ее шляпке был настолько тяжел, что пригибал голову к полу. Мы вышли в коридор.

– Чем могу быть полезен? – спросил я.

– Вы уж извините меня за беспокойство, – сказала она, глядя на меня снизу вверх. Слова ее прозвучали с едва заметной хрипотцой, однако в удивительно красивом тембре, с прекрас- ной дикцией. Так говорили аристократы давних времен.

– Что вы, что вы! – залепетал я.

– Мне нужно получить деньги, – просто сказала она.

– Прекрасно. Наша бухгалтерия на четвертом этаже. Я вас провожу.

– Ах! Вы так любезны! – сказала она, и мы начали медленно подниматься.

«Наверное, статистка», – подумали я и, чтобы прервать неловкое молчание, спросил:

– Вам здесь платят так же, как и везде, по сорок рублей?

– Нет, мне должны выплатить двести тысяч рублей золотом, – просто сказала она и, усмехнувшись, добавила: – Я не статистка. Правда, я постоянная зрительница, и в этом смысле разница небольшая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.